

Русская Темрязань

ДАЛЕКАЯ И БЛИЗКАЯ

Демидов
Иван
Николаевич

16+

Иван Демидов

**Русская Темрязань
далекая и близкая**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Демидов И. И.

Русская Темрязань далекая и близкая / И. И. Демидов —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

Посвящается родному селу Русская Темрязань. В книге описывается вся жизнь рода Босых от Петровских времен до нашего времени. Где сплетаются судьбы главных героев в вечной борьбе за жизнь, любовь и место в тихом лесном уголке под названием Русская Темрязань.

Содержание

Книга первая	5
Глава первая. Родовое золото Босых	5
Глава вторая. Огашка-Сирота и «золотой» жених	14
Глава третья. Бессмертный кулугур	34
Глава четвертая. Колдыбань изначальная	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Иван Демидов

Русская Темрязань далекая и близкая

Книга первая

Глава первая. Родовое золото Босых

30 мая 1672 года в семье московского царя Алексея Михайловича Романова родился сын Петр – будущий наследник престола. А в лесном Поволжье у молодого крестьянина-кулугура Ивана Босого родился сын Никита – будущий петровский гренадер.

Истошало русское государство при царствовании Алексея Михайловича от бездарных воин, смут, бунтов. Погулял по России вор Стенька Разин.

В Смутное время родились Петр и Никита. Оба росли сиротами. Петру не исполнилось и четырех лет, когда скончался его отец. А Никита осиротел еще в утробе матери.

В те времена шалили в лесах Поволжья остатки банд Стеньки Разина. Самого атамана казнили, а его телохранитель, казак Степан Чирков, по кличке Степан Грязный, спрятался с дружками в лесу у своего родного села Сосновки. В пещерах Лысой горы разбойники нарыли тайные проходы, соединили их с глубокими оврагами и провалами. Почти год грабил проезжий люд Степан Грязный.

В тот трагический день хмельные от удачной торговли и вина сосновские мужики возвращались с осенней ярмарки. Иван Босой был трезвым, вера не позволяла зелье пить, но и у него было праздничное настроение. Товар он продал с выгодой. На вырученные деньги купил подарков. Отцу с мачехой – обновки, жене, лапушке Груне – золотые серьги и круглое зеркальце в серебряной оправе, неродившемуся дитю – мягких пеленок. Купленные вещи и остаток денег Иван завернул в выдавшую виды старую холстину и сунул в смоляную бочку. В телеге уворовать могут, только рот разинь, а про бочку никому невдомек.

Подвода Ивана Босого замыкала обоз односельчан. День был тихий, теплый, солнечный. Ничто не предвещало беды. Лес, наполненный птичьим волнением, задором, звенел на тысячу голосов. Без устали ворковали горлинки, свистели дрозды, звонко бил зяблик.

Перед въездом в Сосновку обоз опустил в глубокий овраг и стал подниматься на противоположный склон, а лошади Ивана Босого остановились и потянулись к ручейку, журчащему по дну оврага. Тут-то и выскочили из засады разбойники с топорами и пиками. Повалили Ивана на землю, связали.

Где деньги? Куда спрятал?

Понимая всю безнадёжность своего положения, Иван решил расстаться с деньгами и подарками – не велико богатство. Улыбаясь разбойникам, он взглядом указал на смоляную бочку.

Один из них, совсем еще мальчишка, легко вспрыгнул на телегу, достал сверток и протянул его атаману.

В атамане Иван узнал Степана Грязного – беглого вора с отрезанным левым ухом. Много зла принес он односельчанам. Родные и те отказались от него, в избу не пускали ни днем, ни ночью.

Атаман развернул сверток, подошел вплотную к Босому, усмехаясь, сказал:

Ну, земляк, ты молодец, покладистый, не артачишься, как другие. Но нам нужны не эти гроши. Говори, где ваше родовое золото, которое твои предки еще в старину в походах добыли. Понял о чем речь? Быстрее соображай! Не за бутылкой сидим. Будешь волюнку тянуть – в

лес заберем. Там у нас время будет, чтобы шкуру с тебя снять. Есть среди моих молодцов и такие мастера.

Иван вскипел гневом при упоминании о священном для рода Босых золоте. Сила в нем была немереная, мог запросто веревку порвать и вскочить. Но совладал с собой, на хитрость пошел:

Правильно говоришь, есть у нас золото. Только не награблено оно. Это награды моих предков за сражения с татарами, германцами и всякой другой нечистью. Так что принадлежит оно нам по праву. А убьешь ты меня, – весь твой род в Сосновке пострадает, и тебе самому не удастся скрыться. Отец мой еще тот воин. И вся округа за него пойдет!

Плевал я на твоего отца, – Степан со злостью ткнул пистолетом Босому между ребер. – Говори: где золото? Не то, пока до меня доберетесь, я ваш род вперед изничтожу.

Один-единственный был у Ивана выход: убить Степана Грязного, даже ценой собственной жизни.

Твоя взяла, атаман. Поделюсь я с тобой золотом. Возьму такой грех на себя и от родителя скрою. Недалеко оно зарыто – здесь, на Лысой горе. Только развяжите меня, покажу.

Почувствовав себя свободным, он поднялся на ноги, стряхнул с короткой бороды сухие былинки, посмотрел последний раз на красное солнышко... Не хотелось умирать молодому мужику. Жаль было оставлять вдовой лапушку Груню и первенца своего хотелось увидеть, когда тот на свет родится, да и старый отец переживет ли потерю сына-наследника.... Но шумели за спиной Босого предки: «Не уступай врагу! Убей его!». Поднял Иван руку вроде бы затылок почесать, и ударил Степана Грязного ребром ладони, словно топором, по голове. Атаман перехватил его взгляд, но отскочить не успел. Уже с расколотым черепом, нажал на курок своего пистолета. В животе у Ивана будто молния полыхнула, и земля ушла из-под ног.

В одночасье испустили дух Иван Босой со Степаном Грязным. Вспорхнула душа кулугура сизой горлиной и полетела над лесом в Сосновку, к лапушке Груне. А черная душонка одноухого вора Степана Грязного выползла гадушкой из-под шитого золотом кафтана и, извиваясь, исчезла в густой крапиве.

Ошеломленные увиденным, разбойники побросали оружие и, крестясь, разбежались в разные стороны.

Собравшись с силами после известия о гибели сына, Родион Большой, отец Ивана, пошел к снохе Груне, которая вот-вот должна была родить. Она лежала вверх животом с опухшими от слез глазами. Понял старый, что знает уже Груня о гибели своего сокола. Увидев свекра, Груня тяжело поднялась, подошла к нему, положила руки на высокие плечи и разрыдалась. У Родиона тоже слезы хлынули из глаз.

Сгинул мой род, дочка, жить мне теперь незачем...

– Не убивайся, тятя, рожу я тебе внука-богатыря. Он род продолжит! Перед твоим приходом молилась я и забылась малость. Вижу-Иванушка возле меня. Успокаивает: «Крепись, – говорит, – и силы копи, родишь сына. А я всегда буду с вами». И правда, живот у меня смотри, какой большой. Верно-мальчик. Только бы разродиться по-хорошему.

В избе стало темно. Груня подошла к печке, от красных углей зажгла лучину, укрепила ее в светце над шайкой с водой. И вдруг от острой боли согнулась, опустилась на кровать.

– Кажется, началось. За Матреной бы надо послать.

Первым делом повитуха Матрена вытолкала Родиона Большого в сенцы. Там он и остался стоять, прислушиваясь: «Вдруг что понадобится, а я тут-рядом».

За стеной послышались стоны роженицы.

«В больших муках рождается человек и в муках умирает, – подумал Родион. Со слезами на глазах обращался к Богу, – Господи, сына я нынче потерял и внука жду. Молюсь за упокой души раба твоего Ивана и за здоровье младенца».

В избе стало тихо. Родион напрягся, сжал кулаки. Услышав звонкий крик младенца, он радостно улыбнулся: «нутром чую-мальчик!» Распахнул дверь. Матрена загородила путь.

–Поздравляю, дед, с внуком! Нельзя дальше! Нельзя пока!

Родион, длиннющей, как оглобля, рукой отстранил повитуху.

–Мне можно!

Перекрестившись, дед беглым взглядом осмотрел малыша.

«Слава Богу, все на месте. Ступни ног большие. Нашей, значит, богатырской породы».

–Ори, ори, Босой, громче – здоровее будешь, удалее, – добавил он уже вслух.

Родион ласково глянул на Груню, укрытую одеялом. На бледном ее лице засветилась тихая улыбка.

С минуту стоял он, сияющий от счастья, посреди избы, и вдруг вспомнив, что есть у него на сегодня и другие дела, вышел прочь.

После похорон сына Родион неделю не выходил из дома. Осунулся он, похудел, никого видеть не хотел, на печке лежал, вздыхал и охал. Но потом отошел, стал заниматься по хозяйству.

Старой кобыле Шуре на свою несчастную судьбу пожаловался:

Нет у меня, теперь сына, Шура. Схоронил я его. И дел у нас с тобой скопилась тьма. Муки надать нам с тобой отвезти в сиротский дом. Пусть там ребятишек заварихой досыта накормят. Наголодались сердечные, одни глаза у них и не забываются. Обещался я муки им отвезти,– не обедняю.

Все понимала Шура, ласково фыркала Родиону в бороду и кивала ему головой.

–Ну, Шура, родись ты человеком, умная баба из тебя получилась бы!

Старая кобыла чмокнула шершавыми губами в щеку хозяина.

–Не балуй! Расчувствовалась! – сказал строго с напускной строгостью Родион.

–И-го-го! – заржала Шура и чмокнула в другую щеку своего любимца.

Съездив в сиротский дом, старый распряг кобылу, отвел ее за речку пасться, а сам в баню пошел. Там его уже ждала жена Лукерья с березовым веником. Любит Лукерья парить своего Родиона, на каменку сначала квасу плеснет, хлебного духу на полог напустит и вдарит распаренным веником по богатырю, потом перевернет его на спину и по животу нахлещет. Родиона напарит, и сама вся изойдет потом без веника.

А в воскресный день старый в церковь пошел, свечку там поставил на пять фунтов – всем святым сразу. Домой он вернулся со святой водой, с просвирками. Молодая Лукерья поздравила его со святыми и поцеловала.

После этого только и успокоился Родион. Перенес зыбку с Никиткой в свою избу и нянчить внука сам взялся, чтобы, упаси Бог, не случилось с мальцом что. А снохе сказал:

–Живи с нами, Груня, так-то лучше будет, береженого Бог бережет.

На сороковой день после трагедии в Печилатском овраге, в Сосновке справляли поминки.

В избе Родиона Большого собрались кулугуры со всей округи. Канон за упокой души убиенного сына читал сам Родион, стоя перед образами. Груня у него за спиной, подпевала ему в тех местах, где полагалось. Остальные внимательно слушали читальщика, крестились и усердно клали поклоны.

И в избе родителей покойного разбойника Степана Грязного тоже собрался народ. Молодую вдову Авдотью как раз в это время приспичило рожать. Поэтому все пришедшие ждали на улице, а с Авдотьей осталась только повитуха Матрена.

Поправляя младенцу вытянутую дыней головку, Матрена сказала Авдотье, лежащей с закрытыми глазами:

–Радуйся, мамаша. Сына родила. На Степана похож, такой же горбоносый, атаманом будет.

Авдотья открыла глаза и зло глянула на Матрену

–Чему радоваться-то? Чтоб он подох! Слушай, что я тебе скажу, и чтоб это было между нами, не то тебе не поздоровится, ты знаешь, я слов на ветер не бросаю. Скажи старикам, что у меня в грудях молока нет, и не будет. Зови свекровь, пусть несет ребенка к Босым. У нее молока и на двоих хватит. Давай зови быстрее, надоело этот визг слушать.

Матрена от удивления вытаращила глаза. Не видала она еще такого, чтобы мать от своего дитя отказалась, и слышать его не хотела. Но, зная характер Авдотьи, помолчала и постучала в окно.

Кулугур Родион Большой пропел последний псалом, перекрестился и снял очки. И тут ему шепотом передали, что к его двору подошли родители Степана Грязного – старики с дитем и просят позвать старосту по срочному делу.

Дед удивился, его лохматые седые брови разлетелись в разные стороны, потом сузились, под глазом дернул мускул.

–Это еще что? Грязных мне в доме на поминках еще не хватало! Надать прогнать!

Родион Большой вышел в сени, захлопнул дверь. На крыльце он увидел стоящих стариков – деда с подошкой и бабку с кричащим младенцем на руках.

–Что стряслось? Кто вас сюда просил?

Старик поклонился старосте в пояс и тихо молвил:

–Мир твоему дому, Родион, бьем челом тебе мудрый человечище, нужда нас к тебе при-слала. Выслушай нас Родион, Христа ради. Сноха наша не путевая Авдотья родила нам внучка, а в грудях пусто – нет молока. Сам знаешь, шалая она, со зла значит. Помрет младенец без матки. Вели староста Груню позвать.

–Эк вас приспичило в сороковой день меня канителить, на грех меня навели, память сына осквернили, – ответил Родион Большой, почесал в бороде, глянул попристальнее на новорожденного и добавил, – «вылитый Степка, плодовитые вы, Грязные. Еще один вор на свет родился. Как только, вас земля держит? Ладно, Бог вам судья! Ждите здесь».

Староста ушел в избу. Старики переглянулись, перекрестились.

–Пронесло, – сказал дед, – боялся я, что кулугур и слушать нас не будет, выгонит взащей.

Старуха в ответ заморгала подслеповатыми глазами и беззубым ртом прошамкала:

–Лапушка Груня – душевная женщина не откажется дитя покормить. У самой младенец есть. Мать она.

Старуха дрожащими руками прижимала к животу сверток с надрывающимся от крика несчастным младенцем и шептала молитву.

Младенец насосался, закрыл глаза и уснул. Груня убрала грудь, повернулась к старикам и передала дитя деду сказав:

–Сюда его не носите, я буду сама приходить к вам. Так удобнее будет и вам, и мне. Старики просияли, перекрестились, закивали головами. Старуха, моргая прищуренными глазами, сказала:

–Спасибо! Груня, выручила ты нас, век теперь за тебя будем Богу молиться, здоровья тебе, счастья, да вознаградит тебя Бог за твою доброту, да хранят тебя ангелы небесные, мужу твоему, невинно убиенному, царствие небесное во веки веков, сыночку твоему желаем богатырского здоровья, родным твоим всех благ.

Старики домой бежали, ног под собой не чуя, неслись как на крыльях.

Три дня после трудных родов лежала в постели, озлобленная на свою судьбу Авдотья, глядя в потолок. Вставала она только попить, поесть и по нужде. В сторону зыбки, в которой качался ее сын, так и не глянула ни разу, а на четвертый день Авдотья в бане помылась, оделась барыней-сударыней в шелка заморские, перед зеркалом покрутилась, напудрилась, нарумянилась и заявила старикам:

–Уезжаю я нынче, не обессудьте! На вас оставляю вашего сына дите, вот и растите его, как сможете. Мне надо свою жизнь устроить.

–Как так! – запротестовали старики, – побойся Бога, Авдотья, старые мы с дитем нянчиться, немощные, нам самим уход нужен. Самим нам кормиться нечем, А дитю молоко надо покупать, а на какие шиши?

Авдотья из своей красивой сумочки-редикюля выложила на стол горсть монет.

–Ваш Бог вам поможет, – спокойно сказала она, – на первый случай вам этого хватит, а как разбогатею, пришлю еще.

Неделю плакали старики над зыбкой, думали, размышляли, как будут жить дальше. Так ничего старые и не придумали. В воскресенье утром понесли внука в церковь крестить. Поп дал ему имя Василий.

До двух лет лапушка Груня кормила грудями обоих малышей. И дальше она продолжала помогать престарелым старикам растить Васятку. Лечила его, когда тот болел разными детскими болезнями.

Шли годы. Малыши годоводки росли. У Босых Никитка рос не по дням, а по часам в полном достатке, как сыр в масле катался, пряник, конфетку, все ему. А Васятка бегал по избе без должного присмотра в одной длинной до пят холщовой рубахе, нередко холодный и голодный с незазывающим лишаем на голове.

На улице Сосновские ребятишки не принимали его в свои игры, гнали лишаястого от себя с угрозами:

Не подходи к нам, плешивый, заразный ты!

Сердобольная Груня вывела мазями у малого лишай. На голове Васятки и волосы вскоре отросли, а прозвище «Плешивый» за ним так и осталось навсегда.

Никитка у Босых, рос быстро. На глазах вылазил из портов рубах. Что из одежды и обуви становилось сыну мало Груня относил Никиткины обноски Васятке.

Не чувствовал Никита Босой себя сиротой. Дед стал ему вместо отца и воспитывал по родовой традиции, прежде всего воином. Он внука трехлетним посадил на коня и стал учить, как надо цепко держаться за гриву, чтобы не упасть на скаку. А потом, мальца стал тренировать из легкого лука стрелять, на дичь охотиться, нож бросать в цель, шпагой деревянной фехтовать. А позже, когда Никита подрос и окреп, дед ему позволил в руки брать тяжелое боевое оружие предков.

Дед не жалел ни сил, ни здоровья, сам брался за длинный меч и тяжелый щит, чтобы дать отроку боевые навыки защищаться и нападать, как на поле брани. И бились старый воин с юным внуком в доспехах на улице возле дома, как по правде перед глазающей толпой односельчан. Сначала воины бились на конях, а потом спешивались. Искры в сумерках так и сыпались от их мечей.

Взрослые мужики и мальчишки села сбегались смотреть на бой богатырей, для них это было интересным зрелищем, цирком.

Еще учил дед внука древней профессии пахаря, соху в борозде держать прямо, косой косить рожь, траву, стога метать, снопы молотить, за пчелами ухаживать.

А Груня учила своего сына житейским премудростям: как вести себя на людях, старших почитать, читать, писать, Богу молиться, понимать красоту, любить и гордиться отчим краем, много рассказывала ему про отца.

Однажды лапушка Груня и Никита забрались на самую верхотуру Лысой горы. Мать подвела сына к обрыву и сказала:

–Никита, твой отец часто приводил меня на это место селом полюбоваться, живописной местностью. Сам смотрел и вслух и рассказывал мне, что видел. Интересно было мне его слушать. Его рассказ мне врезался в память. Я могу тебе пересказать дословно, Вот слушай и смотри. Видишь, как красиво смотрится наше село с птичьего полета. Ближняя часть нашего села, что подковой приткнулась к подножию Лысой горы, мы называем Вольной, а остальную часть, что раскинулась за речкой на косогоре-Барской.

В Вольной живут вольные люди. Их и дома с дворовыми постройками смотрятся внушительно. Это дома купцов, мастеровых, охотников. Они миром построили деревянную церковь с колокольной, что стоит на площади.

А в Барской живут крепостные крестьяне. Их избы на удалении и с высоты смотрятся убогими. Только помещичья усадьба на бугре, что белеет в сосновой роще, оживляет пейзаж.

Надо сказать и про речку Темрязанка. Вот она выбегает у подножия горы серебристой змейкой, журча по камешкам, и течет дальше в дремучие дебри, укрытая зарослями черемухи, плакучей ивы, кудрявой ольхи, до самой матушки Волги. По бокам просторной поймы, на буграх до самого горизонта красуются сосновые боры, березняки, дубовые дубравы. Это наши заветные места для охоты на пушного зверя и сбора грибов, ягод. Это наш лес – кормилец, лес – защитник от набегов, кочующих татаро-монгол.

Груня смолкла, посмотрела на сына. Он смотрел на нее горящими от возбуждения глазами.

–Ну, как? – спросила мать.

–Красиво мама! И понятно! Просто здорово!

–Да, Никитка, грамотным был твой отец, начитанным, затейником, балагуром. Говорил, бывало, как книгу читая, заслушаешься. Мечтал он по Руси с медведем походить, людей посмотреть, себя показать. Да вот ему, рано убиенному, не пришлось исполнить свою мечту. Царствие ему небесное.

И мать, и сын перекрестились.

Весь оставшийся день Никита смотрел на свое родное село отцовскими глазами. И вечером на полатах не мог долго заснуть.

Тоже об отце думал, о его мечте стать циркачом.

Уснул за полночь Никита, и снится ему сон. Будто бы, стоит он один на Лысой горе, около того же обрыва, и увидел летящего мимо него отца в цветной одежде клоуна. Поманил отец Никиту рукой молча и исчез. А Никита нисколько не испугался. Ему как-то легко стало. Он поднял руки и тоже полетел с Лысой горы птицей над селом, потом дальше над лесом, над речкой. Зачаровал полет Никиту. От избытка чувств он и проснулся. Тут же он, спрыгнув с полатей, разбудил мать и рассказал ей, как он летал во сне.

Мать погладила Никитины жесткие кучерявые волосы и сказала:

–Успокойся, сынок, во сне многие дети летают потому, что растут. И я девчонкой во сне летала. Правда, летать красиво?

–Правда, мама! Я хочу еще полетать.

–Полетаешь, сынок, ты еще долго будешь расти, до сорока лет в вашем роду растут мужики. Почему-то человеку хочется стать птицей, летать. Наверное, это голубой простор зовет. В писании писано, что будет такое время, когда в небе будут летать железные птицы, огненные драконы. Бог дал людям смекалистый ум. Они до всего могут додуматься.

–Это правда, мама. Дед говорит, что в городе есть кузнецы – умельцы, они горазды, делать всякую всячину.

–Ладно, Никитка, рано еще вставать, лезь на свои полаты и досматривай там свои сны. Бог с тобой.

У Чирковых Васятку ничему не учили. Никто ничего ему не рассказывал. Старики дожили свой век. Они уже плохие были. Им было не до него. Поэтому рос Васятка без присмотра, ходил по селу вечно голодный с нищенской сумой на плече, в шобонах с чужого плеча.

Сосновские ребяташки нищих терпеть не могли. Колотили они Васятку кому не лень, обзывали плешивым, грязным и пугали Никиткой Босым.

–Вот, Плешивый, Никитка подрастет, в силу войдет, богатырем станет и задаст тебе жару, наплачешься. Уходи из нашего села, пока цел.

Каково Васятке было слушать такое? И куда было ему уходить? Он отвечал обидчикам:

–Пальцем не тронет меня Никитка. Мы с ним одну грудь сосали. Молочные братья мы.

–Какой ты ему брат? – кричали Васятке в след ребятишки, – вы с ним враги по крови. Отец твой был матерым разбойником, душегубом. Его разбойники убили отца Никитки. И мать твоя непутевая, весь род твой воры, грязные!

А Никитке Босому ребятишки доносили, что Васятка Плешивый якобы грозился перед ними убить его за смерть отца. Так ребятишки с умыслом науськивали молочных братьев одного против другого, чинили между ними раздор. Им нужно было, чтобы Никитка тоже колотил Васятку. Ребятишкам нужен был цирк.

Никитка не верил ребятишкам. Но со своими сомнениями поделился с дедом:

–Знаешь, дед, ребятишки говорят, что Васятка Плешивый зло на меня таит за смерть отца. В подходящий момент может меня и прибить. Но ребятишкам я не верю. Васятка посмотреть мне в глаза боится, ведет себя при мне ниже травы, тише воды.

Дед с тревогой глянул на внука и ответил:

–Ребятишки любят потрепаться, драки чинить. Они соврут и не дорого возьмут. Но и ты сторожись. Дыма без огня не бывает. Чирковы страсть, какие завистливые, себе на уме. Что и говорить, воровской род, прощелыги. Им палец в рот не ложи – откусят. Но и ты, внучек, первым не задирайся. Мужики нашего рода не ввязывались в драки первыми, но и спуска никому не давали. Нам, Босым не к лицу силой кичиться. Богом она нам щедро дана, И предки наши применяли ее в полную силу в честном бою, на поле брани за святую матушку Русь.

Деда Никитка слушал и понимал. А вот его мать для него была загадкой. Он много раз видел, как она втайне от него бегала к Чирковым. Остатки еды им носила, молоко.

Никитка недоумевал: "Зачем она это делает?"

И Никитка решил с ней поговорить по этому поводу.

–Мама, что ты к Грязным бегаешь? Какие дела у тебя с ними. Дед говорит мне, что Чирковы исстари враги нашему роду, а ты с ними якшаешься. Ответь мне. Мне обидно за тебя.

Лапушка Груня с улыбкой посмотрела на сына и ответила:

–Никитка, я против родовой вражды. Бог велит прощать врагам, молиться за них. Старикам немощным, сироте я поест, попить ношу. Лучше подавать, чем брать. У нас с тобой не убудет. Все мы будем старые. Кто знает, кто, как будет свой век доживать. Добро нужно людям делать и тебе это зачтется. Старайся, Никитушка, добрым быть, милосердным.

–Теперь мне стало все понятно, – ответил Никитка.

Богатым светит достаток, счастье, а бедным нужда, горе.

Васятка схоронил деда с бабкой одного за другим, остался один одинешенек. Только лапушка Груня не бросала приглядывать за ним. Надоумила его наняться овец и коз пасти, пару собак завести.

–Собаки при стаде тебе, Васятка, будут помощниками и надежной охраной.

–Спасибо, тетя Груня, за совет. А больше я и делать ничего не умею. Пасти смогу. Только что народ скажет?

–С народом я тоже поговорю.

И стал Васятка овец и коз пасти, зарабатывать себе кусок хлеба, балакирь молока. Кончилась его нищенская жизнь.

Вот в то лето и заявила к нему неожиданно-негаданно мать, про которую он и думать забыл. Отрок подумал, что к нему в избу зашла нищенка милостыню просить, и остановил вошедшую женщину у порога.

–Проваливай, нищенка, нечего мне тебе подать! У самого сума вон на крючке висит пустая.

А нищенка села на лавку у печки и сказала с упреком:

–Что гонишь меня, Васятка? Мать ведь я твоя...

Отрок не поверил нищенке, схватил ухват и к ней, как с рогатиной.

–Убирайся, вунья, по добру, поздорову. Не то ухватом вот пырну, будешь знать. Проваливай, говорю. Ходят тут всякие, наводят тень на плетень. Мать у меня барыня, в городе живет, молодая, красивая, а ты грязная, беззубая, как ведьма.

Авдотья глянула на сына с упреком.

–Васятка, сыночек мой, была когда-то я молодая, красивая, а теперь вот старая и страшная, никому не нужная. Вот и тебе я теперь не нужна. Пришла я посмотреть на тебя, провести, помириться с тобой, вместе пожить. Одинокая я сейчас, неприкаянная, непутевая, с властями не в ладах. То и гляди, царевы слуги засадят в острог, гоняются они за мной, как собаки.

Васятка оторопел, зашмыгал носом, голова его кругом пошла, точно в ней жернова завертелись, мысли закружились. Он не знал мать, лица ее не видел, только со слов стариков знал, что мать его живет то ли в уездном городе, то ли в Самаре. Маленьким он ждал ее, скучал по ней. Снилось она ему. Конфетки в руки давала. Мальчонка крепко зажимал в кулачки конфетки, а просыпался с пустыми руками.

–Ладно, раздевайся, – сказал Васятка нищенке, ставя ухват на место, разберемся, что к чему, и какая ты родня. Я еще не вечерил, только что собираюсь. В печке у меня каша гороховая. Будешь есть?

Авдотья воспрянула духом.

–Конечно, буду, давно не ела горячего, – сказала она и стала снимать засаленную манарку.

Наблюдая со стороны, как нищенка умывалась, так тщательно приводила себя в порядок, и, глядя на ее нерабочие руки, Васятка все больше убеждался, что у него в гостях не самозванка какая-то, а именно, вернувшаяся к нему родная мать. Но сам себе не хотел в этом признаваться, и продолжал вести себя настороже.

А Авдотья быстро освоилась. Она выложила из холщовой сумки бутылку водки, два румяных яблока, связку баранок и большой кусок колбасы. До отрока дошел аппетитный чесночный дух. И он сглотнул набежавшую слюну.

Авдотья заметила, с какой жадностью смотрит ее сын на колбасу, и сказала:

–Присаживайся, сынок, к столу. Сам режь и ешь колбасу, яблоки. Все это я тебе привезла. А я из печки сама горох достану, соскучилась по вареному гороху. У тебя на полке я вижу стоит бутылка с конопляным маслом. Богато живешь.

–Это мне Груня Босая принесла.

–Вот как? Значит, проведает она тебя? Это ей зачтется.

–Да, тетя Груня добрая. В селе более нет таких.

Жуя колбасу вприкуску с баранкой, Васятка продолжал изучать нищенку пристально и со страхом. К ней его, как к матери, нисколько не притягивало, а наоборот отталкивало, запах шел от нее какой-то ядовитый. Отроку стало противно и мутно.

Васятка посмотрел на маленький, морщинистый кулачек нищенки и заулыбался.

–Чего лыбишься? Не веришь мне? Думаешь, я слаба? Да, кулаки у меня тощие, но я сильная духом! Слово тебе даю, отомщу за твое сиротство, за своего мужа. Кровь за кровь? Если ненароком со мной что случится, отомсти ты и за отца и за меня.

Почти всю ночь слушал отрок пьяный бред пьянчужки и как губка впитывал ее словесный яд. Интересен для него был ее рассказ и как она позволила атаману разбойников украсть себя у родителей, и как разбойничала с ним на больших дорогах.

–Красиво мы жили, Васятка, весело, сытно ели, сладко пили, золото ковшом мерили, серебро – бадейками. Но не все еще потеряно. Есть у меня задумка, как Босых объегорить. Дочь у меня подрастает, скоро заневестится, на год моложе тебя. Бес девчонка...

Так и не договорила Авдотья свой замысел, уронила на стол голову и уснула. Васятка понял, что гостя теперь до утра останется за столом, и оставил ее в покое, а сам полез спать на полати. Поздно было уже, но сон его не брал. Черные мысли матери – разбойницы пришлись ему по душе. Он жаждал перемен в своей одинокой нищенской жизни.

Под утро Васятка уснул. Приснился ему сон. Будто они с матерью – нищенкой ехали на дело, на породистых рысаках, с заряженными пистолетами в руках. У них был оговорен план, план захвата, едущего в Москву по большаку купца. День был солнечный, сулил удачу. Но сон прервался стуком в сенцах. Васятка испугался и окончательно проснулся. Спрыгнув с полатей, он метнулся к входной двери. Дрожь его забила от неприятного предчувствия. Васька сиплым голосом спросил:

–Кто стучит? Чего надо?

За дверью еще сильнее загромыхали.

–Отворяй! Государево дело!

Васька еще пуще оробел, сунулся к запору, руки затряслись.

Едва он отодвинул засов, – дверь распахнулась, и в избу ввалились, гремя саблями наголо и скрипя ремнями, два казака, от которых несло перегаром.

Покуда Васятка соображал, что к чему и протирал глаза, удивляясь полуночному визиту казаков, не зажигая света, казаки выволокли из-за стола сонную нищенку и потащили из избы наружу. У крыльца хлопнула дверца кареты и зацокали копыта лошадей.

Васятка глянул в окно, но в сумерках ночи ничего не увидел. В его голове пронеслись вереницей мысли одна страшнее другой:

«Неужто и впрямь была мать? Проворовалась, что ли? А может, убила кого? Беда-то, какая!»

И одинокая, беспросветная жизнь, презираемого всеми отрока, потекла по старому руслу, будто и не было у него той кошмарной ночи, а приснилась она в жутком сне.

Глава вторая. Огашка-Сирота и «золотой» жених

По преданию, жили в ту пору в ветхой избушке, на крутом берегу Волги, около самарской крепости, девочка – подросток со старой мордовкой – ворожеей. Старуху звали Штурочкой, а юную барышню Огашкой-Сиротой.

Семь лет назад повстречала в крепости Штурочка одетую в лохмотья и чумазую, с болячками на лице, худенькую девочку, совсем дитя.

–Авакай, дерякай! – Запричитала мордовка, глядя на замерзшую до посинения беспризорницу с нищенской сумой на плече, – чья же ты такая? И как тебя звать? Девочка, сверкнув большими зелеными глазами, тихо ответила:

–Ничья я. А зовут меня Огашкой-Сиротой.

–Ты что из приюта убежала?

–Убежала.

–А почему?

–Ребятишки там дерутся, щипаются.

–А где теперь ночуешь?

–Кто пустит – у тех и ночую,

–А ко мне пойдешь?

–Пойду.

Сама Штурочка росла сиротой и с пониманием отнеслась к бездомному дитю. Привела она Огашку-Сироту к себе в избушку, сняла с нее лохмотья, отмыла в корыте грязную беспризорницу, до бела в теплой воде. Потом накормила козым молоком со ржаной палишкой, и спать уложила рядом с собой.

Наутро девочка проснулась, прыгнула с лежанки и молча стала надевать свои лохмотья. Жалко стало Штурочке Огашку-Сироту, и она спросила ее:

–Куда собираешься в такую рань?

–Пора мне, пойду пройдуся по рядку, а то бабы скоро на работу разойдутся. Штурочка вспомнила, как сама нищенствовала, и у нее слезы потекли по щекам.

–Детка, не торопись, молочка вот парного попей, а может, со мной жить останешься? Вдвоем будем жить. Огашка-Сирота улыбнулась Штурочке и ответила:

–Ладно, Ты добрая. Останусь, пожалуй.

Так, на закате своей жизни приютила старая мордовка чужого дитя, вырастила и воспитала. И была Штурочка вознаграждена Богом. Девочка оказалась не простая, а одаренная редким талантом руками исцелять. Горячие ладони у нее были с живительной силой.

Открыла Штурочка этот дар у Огашки-Сироты случайно. При смерти лежала старая мордовка. Приступ головной боли у нее случился. Когда Штурочке стало уже неважно, она подзвала Огашку-Сироту к лежанке, чтобы попрощаться и наказ дать.

Девочка подошла к Штурочке, водички из кружки дала попить, потом с состраданием стала ладонями у умирающей на лице морщины разглаживать, волосы на голове поправлять.

От прикосновения детских горячих ладоней Штурочка вздрогнула, точно проснулась, и в голове у нее посвежело, боль отпустила, дышать стало совсем легко. Старая мордовка поняла, что ее Огашка-Сирота оживила. И возрадовалась она этому чуду.

«Боже мой, дочь-то моя приемная – целительница, а в этом деле я знаю толк. Осторожной мне надо быть, чтобы этот дар Божий у дитя не спугнуть. Господи, вразуми, как мне дальше быть, чтобы девочке не навредить. Народ кругом темный, еще посчитают люди Огашку-Сироту за колдунью, и, Боже упаси, могут ее сжечь. Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй! Аминь».

Огашка-Сирота смекнула, что Штурочка ожила, криз прошел и она, перекрестив больную, сказала:

–Мама, я вижу, тебе полегчало, усни с Богом в душе, и совсем поправишься.

–Да, милая, спасибо, оживили меня твои горячие ладони, божьей силой они у тебя обладают, только об этом никому ничего, будем об этом знать только мы с тобой. Аминь.

–Мама, а я о ладонях давно знаю. Я ими кошек и собак лечу. Вот и тебя воскресила. Мамочка я тебя так люблю, ты у меня очень мудрая и всевидящая. Так люди говорят, а они зря не скажут. Спи, потом еще наговоримся, поправляйся скорее. Я тебе песенку спою о весне. Весна сейчас на дворе. Светит солнышко, светит ясное... И под музыку нехитрой детской песенки Штурочка уснула, чтобы проснуться совсем здоровой.

Да в ворожбе и целительстве старая мордовка знала толк. Под ее наблюдением Огашка-Сирота научилась менять температуру ладоней, усиливать и ослаблять их живительную силу, управлять собой, своей энергией, людям ее передавать.

И в избушке, само собой, дела пошли в гору. На их обеденном столе появился достаток. В большом кованном медью сундуке у Штурочки завелись свободные деньги. Она их копила на приданное приемной дочери, А как же, ведь у нее росла невеста.

Штурочка за несколько лет Огашку-Сироту научила грамоте, покупала ей книги рукописные по знахарству, печатные по лекарству Девочка оказалась любознательной, с интересом читала вслух, желала и дальше учиться на доктора в колледже. Но у мордовки еще не было таких денег, но и надежды она не теряла. Любимым изречением у нее было: «Деньги – голуби, у людей будут и к нам прилетят».

И Штурочка добилась своего, сумела пристроить Огашку-Сироту на курсы сестер милосердия. Не ахти какая профессия, дорого было получить диплом – то, что необходимо для Огаши-Сироты с ее способностями, позволившими ей законно оказывать медицинскую помощь, заниматься целительством.

В тринадцать лет Огаша-Сирота подросла, похорошела, вошла в характер, самостоятельной стала, в избушке повела себя хозяйкой. Радовалась Штурочка, да недолго.

Где тонко – там и рвется. Родная мать объявилась у Огаши-Сироты. Это когда девочка встала на свои ноги. Спрашивается: А где ты раньше была? Для старой мордовки это было смертельным ударом.

В крепости это случилось, на толкучке. Штурочка торговала настоями лекарственных трав, мазями, сухими пучками зверобоя, мяты и другими лекарственными травами. А Огашка-Сирота торговала рыболовными крючками, поплавками, грузилами, украшениями разными. Около нее бойкой, веселой, с шутками, да с прибаутками толпилась молодежь. У старухи и юной *барышни* торговля шла с немалым наваром. Зря время на толкучке, они не вели. В разгар торговли и притиснулась к Огашке-Сироте непутевая Авдотья с повязкой на лице. Было такое впечатление, что у женщины зуб болит.

Старая мордовка узнала разбойницу с большой дороги, вдову сосновского казака Степана Грязного – телохранителя Стеньки Разина.

«Вот, шалую, черт принес», – подумала она. – теперь жди какой-нибудь беды, деньги будет вымогать, или еще что...».

Авдотья молча кивнула Штурочке головой, а Огашке-Сироте сунула, как маленькой, конфетку с мохром и сказала ей на ушко:

–Золотце, наслышана я о твоём целительстве от своих людей. Помоги, детка, мне, озолочу. Сними с моего лица безобразие, на людях стыдно показаться, хожу вот с повязкой. Слышала я, что ты можешь и никому не отказываешь, Богу буду за тебя молиться. Надежной крышей буду.

Авдотья сняла повязку и обнажила красный шрам во всю правую щеку и склонилась к сидящей Огашке-Сироте.

Девчонке не приятно было дотрагиваться до безобразного лица, но она пересилила брезгливость и, заставила себя дотронуться до безобразного рубца.

–Отче наш, иже, еси и на небесах... – стала читать вслух при всем народе Огашка-Сирота. Толпа молодежи безмолвствовала. Старики и старухи, глядя на юную целительницу, крестились.

Авдотья почувствовала прикосновение к лицу нежных горячих ладоней, от которых пошло по ее телу живительное тепло и она вострепнулась. Она вспомнила свою двухлетнюю дочь, у которой тоже были такие же приятные и горячие ладони. Злая судьба разлучила ее с ненаглядной Огашечкой.

«Господи, Иисусе Христе, – запричитала про себя взбудораженная воспоминаниями, верующая в Бога Авдотья и стала пристально вглядываться в лицо девчонке – целительнице, – да ведь это моя дочка, так и есть. Те же у нее большие зеленые глаза и мордочка родная. И вся эта Огашка-Сирота такая, какой я была в четырнадцать лет. Вот радость-то, какая, наконец-то я нашла свою кровинушку».

У Авдотьи на лице засияла счастливая улыбка. Она не вытерпела и тут же призналась Огашке-Сироте:

–Золотце, вот лечишь ты меня, а не догадываешься, что родная мать стоит, нагнувшись перед тобой. Да, родненькая, истину я тебе говорю и не могу сдержать слез, плачу от радости.

До Огаши-Сироты дошел смысл сказанных ей женщиной слов. Она побледнела, оторвала от чужого безобразного лица руку, вскочила и уткнулась головой в подол Штурочки.

–Мамочка, я боюсь эту женщину, мне страшно, не отдавай меня никому. Только тебя я могу любить. Давай пойдем домой! – голосила Огашка-Сирота.

Старая мордовка обняла Огашку-Сироту, оттолкнула от нее Авдотью.

–Что мелишь, непутевая, спьяну, что ли? Оставь нас в покое, иди куда, шла. Не пугай дитя.

–А я не пугаю, наоборот, я с лаской. В четырнадцать лет я такой же была, как вот она. Видишь, Штурочка, глаза у нее мои зеленые и мордочка схожая. Дурак глянет и поймет, что она моя дочь. Или у тебя, юродивая, сомнения есть?

Маленькая, худенькая, старенькая Штурочка приняла воинственную позу, готовая умереть, но защитить приемную дочь. Она тяжело дышала, по ее лицу молнией сверкали судороги. Авдотья улыбнулась и сказала:

–Не паникуй, юродивая, сейчас у меня времени нет. Как-нибудь я к вам загляну в избушку с гостинцами. Рубец – шрам на лице мне надо полечить, срам снять. Вы, я слышала, это можете. Ждите.

Кончилась в избушке спокойная жизнь. Хуже ничего нет, чем ждать да гадать. Штурочка с Огашкой-Сиротой решили, чтобы не мотать себе нервы, признать Авдотью родной матерью, но стойко, до последнего стоять за себя, чтобы их не разлучили. Было оговорено много вариантов совместной с Авдотьей жизни, но расклад не получался. Совместная жизнь с беспутной Авдотьей их не устраивала. От ожидания и переживаний у Штурочки сердце стало шалить, грудная жаба стала душить.

А Авдотья не заявлялась. Так, в кошмарном ожидании прошел целый год, наступила весна второго года. Наконец-то весть пришла от Авдотьи. Монашка ее принесла, помолилась на образа и сказала:

–Мир вашему дому. От Авдотьи я. Сама она к вам не может прийти, царские слуги ее в острог засадили и надолго. Велела она дочке передать, чтобы на свиданку пришла. Рубец у нее рассосался, хочет ее отблагодарить и слово сказать.

Штурочка нахмурилась и ответила:

–Ничего нам с дочкой от тюремщицы не надо, пусть оставит нас в покое, обойдемся без ее подачек и благодарностей, от непутевой все можно ожидать, может за долги дочерью расплатиться. По ней, непутевой, петля давно плачет.

–Ты, старая, не задирайся, сама знаешь, какая Авдотья, прихлопнет тебя как муху и только от тебя мокрое пятно останется, у нее руки длинные, она и из острога достанет. Ничего она с дочерью не сделает. Ей надо только с ней свидеться и слово сказать. Пусть поговорят родненькие, может в последний раз.

С тяжелым сердцем Штурочка собирала передачку тюремщице. Огашке-Сироте наказала вести себя на свиданке настороже и ничего Авдотье не обещать.

–Огаша, за какие грехи нас с тобой Бог наказал, породнил с не путевой, нет нам до нее дела, раз села то пусть и сидит, грехи перед людьми и Богом замаливает.

Острог находился в крепости Самара. Большой деревянный дом с узкими решетчатыми окнами, рядом изба-столовая и баня были огорожены высоким частоколом. Самарская тюрьма гляделась, как крепость в крепости. Огашка-Сирота со страхом шла мимо часового по коридору тюрьмы, ноги у нее были как ватные.

«В острог лучше не попадаться», – думала она.

Мать Огашку-Сироту встретила на пороге барачной избы, в которой было полно народу. Говорили все громко с плачем и выкриками. В помещении было сумрачно и душно. Увиденным, девчонка была потрясена.

Авдотья дочь зажала в углу, стала ее обнимать, целовать, в ухо кричать. От чего той сделалось совсем дурно.

Огашка-Сирота стояла перед матерью-тюремщицей, зуб, на зуб не попадая и плохо соображая. Но матерая разбойница говорила и говорила, повторяя одно и то же, и втолковывала смысл своих слов, как гвозди вбивала.

–Дочка, никакого Бога нет. Сказки это. Люди сами придумали Бога для дураков. Есть вот у тебя родная мать. Я тебе и Бог. Слушай меня одну и исполняй, что велю. Ты уже взрослая. Я в твои годы уже мужиками командовала, крутая на расправу за непослушание беда. Боялись они меня, как огня. Вижу я, что и ты вся в меня и мордашкой, и сметкой.

Слушай, дочка, вот для чего я тебя вызвала на свиданку. Плохи мои дела. Заточили меня царевы слуги в острог надолго, А дел у меня на воле невпроворот. Теперь тебе свои дела передаю, которые я не доделала. Есть у меня на воле людишки, тебе я их передаю. Они тебя сами найдут, и беспрекословно подчиняться будут. Богом ты у них будешь.

Велю я тебе, дочка, ехать жить в лесное село Сосновку. Она находится далеко отсель, за Сызранью. Там у меня сын живет один-одинешенек, сироточка неприкаянная. На год только постарше тебя.

Ты вот в городе выросла, бойкая стала, грамотная. А он там деревня деревней, нищий, ни читать, ни писать не умеет. Пока в полный ум вступишь и в силу, поживи детка, в лесу на всякий случай чтобы за тобой слежку не учинили из-за меня. И заодно с Васяткой займись, грамоте его обучи, в люди выведи. В лесу привольно жить. Дичи там и рыбы полно. Руками ловят кому не лень.

Все я, дочка, продумала. Поживешь в Сосновке, не покаешься. Завидный жених там растет, богатырем будет. Никиткой счас его зовут. На год он старше тебя, ровесник моему Васятке. Они одну грудь Лапушки Груни сосали, значит, считаются по лесному обычаю молочными братьями. Но ты знай и всегда помни, что Васятка с Никиткой Босым – враги по крови. Их отцы по глупости золото не поделили. За что оба жизни лишились и сыновей своих осиротили. А кто из них виноват, долго рассказывать. На месте сама разберешься.

Мучает меня, дочка досада, что за кровь своего первого мужа – лихого казака не успела отомстить. А сейчас в остроге сижу. Одна у меня надежда: вы с Васяткой праведный суд свершите. Уверена я, что, ты влюбишься в Никитку с первого взгляда. Предки его из старинного

богатырского рода, много золота навозили из походов. Он один наследник скопленного родом богатства.

Не упusti, дочка, сей случай. По приезде в Сосновку войди в доверие его матери – лапушке Груне, деду Родиону Большому. Очаруй своими чарами «золотого» жениха, войди в их семью полновластной хозяйкой. И все их родовое богатство будет нашим. Действуй смело, правда, на нашей стороне. Наш пай Босые, должны заплатить сполна.

Еще долго говорила тюремщица, оглушенной шумом и криками толпы, Огашке-Сироте, совала целовать распятые, взяла с нее клятву, что выполнит ее волю. На том и расстались дочь с матерью.

Добралась поздно до избышки Огашка-Сирота. Встретила ее Штурочка со слезами.

– Не спокойно у меня, дочка, на душе. Покаялась я, что разрешила на свиданку тебя увести, худо чую, сказывай скорее, зачем ты тюремщице понадобилась. Клад, что ли у нее, где зарыт?

– Какой, мама, у нее клад, у нее ничего за душой, злом только полна, как змея подколотная. Ехать нам с тобой велела в Сосновку жить. Там у нее сын нищенствует, наказала его бедолагу в люди вывести. Брат он мне, сказала. И клятву с меня взяла, что выполню ее волю, распятые мне совала целовать.

Штурочка совсем расстроилась, затряслась вся, побледнела и запричитала:

– Авакай, дерякай!.... Вот прохвостка, что удумала. По ее, значит, снимайся с насиженного места и езжай за тридевять земель в дремучий лес волкам и медведям на съедение, нашла крайнюю, авантюристка, безбожница. Управы на нее нет. Бесстыдница, несмышленную бросила, а как ту я вырастила, воспитала, ей самой понадобилась, и права материнские качает. Ни Бога, непутевая, не боится, ни людей не стыдится. Пропьет, пьянчужка, несовершеннолетнюю, продаст, погубит дитя. Штурочка закашлялась, схватила за сердце и побледнев, свалилась на лавку в судорогах, дух испустила. Огашка-Сирота попыталась оживить мать, щеки ей терла горячими ладонями, но бесполезно. И поняла она, что не выдержало больное сердце старой мордовки, разорвалось.

Всю ночь Огашка-Сирота плакала, глаз не сомкнула, а когда рассвело, пошла к людям за помощью. Любила она Штурочку и хотела похоронить по-христиански: с обрядами и почестями.

И люди помогли Огашке-Сироте, как могли. Всем миром хоронили уважаемую во всей округе сердобольную ворожею-целительницу. Огашка-Сирота и не предполагала, что ее приемную мать все так любили и устроят ей же торжественные похороны. Знать люди помнили, как много доброго сделала старая мордовка.

«Бог взял ее вовремя. Настродалась бы она со мной на чужбине. Что Бог не делает – все к лучшему», – успокаивала себя Огашка-Сирота, идущая в толпе с кладбища.

Дня через два после похорон наняла Огашка-Сирота карету, запряженную двумя резвыми рысаками. Кучер помог ей погрузить домашний скarb, узлы с одеждой, сундук с приданным, которое сколько смогла скопить Штурочка будущей невесте.

Штурочка много путешествовала по Руси с Огашкой-Сиротой. Куда только они вдвоем не ездили: и в Киеве бывали, смотрели там святые мощи, и в Москве молодого царя Петра видели, играющего в войну в потешной крепости, дивились рослыми его гренадерами. Любили Огашке-Сироте дальние путешествия.

По Московскому тракту два гнедых рысак мчали с ветерком печальную Огашку-Сироту в дремучий лес, в совсем иную неведомую ей жизнь. На душе у нее со сменой за окном кареты живописных мест грусть о прошлом сменялась задумчивостью, о будущем.

„Как сложится у меня жизнь с братом, которого я и в глаза не видела? А тем более с «золотым» женихом? Не вернуться ли мне назад пока не поздно? А что я теряю? Была не была, съезжу, повидаясь с братом, на красивого жениха посмотрю. Не велик расход“.

Стояла весенняя страда. С краю соснового бора на широком поле было полно сосновских вольных крестьян с лошадьми, запряженными в деревянные сохи. Шла пахота зяби под яровые.

Пахал свой клин и Никитка Босой. Первый раз дед доверил ему – пятнадцатилетнему отроку лошадь с сохой без опеки. Для него это было праздником. Не всякому отроку доверят самостоятельно землю обработать как надо. Земля любит сильные и умелые руки.

Высилось солнце над полем, землю до глубины прогревало. Соху молодой пахарь держал твердо, на лошадь покрикивал, когда та от борозды уклонялась. А думы у отрока, как у взрослого о будущем урожае, о хлебе насущном. И лошадь его старается, тянет соху ровно, без толчков, быстро. Никитка цепко держит соху за поручни, как дед учил, не давая кованым железным сошникам вилять по сторонам. Так прокладывается борозда к борозде, жирный пласт ложится на пласт. Для юного пахаря пахота, как игра. А дело-то продвигается по правде и небезуспешно.

На меже клина столпились сосновские мужики. Они глазели на молодого пахаря, дивились его силе и сноровке.

–Гляди-ка, в один день управился. В пятнадцать лет с сохой управляется не хуже мужика, вот молодец, – сказал маленький седой старичок.

Ему ответил рослый детина:

–Босые издревле были сильные и ловкие, одно слово – богатыри!

Никита не прислушивался к разговору зевак. Он спешил закончить пахоту. Под конец пахать особенно было трудно. За день его жара сморила, и ноги отказывались по рыхлой борозде бегать. Ладони молодого пахаря горели от кровавых мозолей.

«В поте лица и с мозолями нам хлебушко достается», правильно дед говорит, что хлеб всему голова. Будет хлеб. Бог даст, праздник. Дома Никитка после сытного ужина напился до отвала студеного медового кваса и вышел на крыльцо, на ветерок. Усевшись на лавочке, он расслабился. Его рука по привычке нащупала в чистых портках тыквенные зерна. Никитка улыбнулся.

«Мама насыпала, знает, что я тыквенные зерна люблю». Мать Никитки Лапушка Груня в это время на огороде возилась, около солнечной стены двора вскапывала грядки под лук и огурцы. С самого раннего утра она была в не настроении. Сон ей страшный приснился ночью. Будто бы на ее глазах во дворе откуда-то сверху на шею Никитки змея упала, здоровенная такая *гадюка*, длинная с прозеленью. Чешуя на ней так и вспыхнула в лучах утреннего солнца. Ошарашенная увиденным, Груня бросилась на защиту сына, и ухватила обеими руками за холодную как лед голову гадюки и стала, что есть силы ее душить. Но руки почему-то не слушались, не сжимались, точно это были не ее руки. Казалось, что еще мгновение и жало змеи вонзится в шею Никитки. Груня заорала блажью и от собственного крика проснулась. Сердце у матери колотилось в груди, на лбу выступила испарина.

–Господи! – крестьясь, запричитала, дрожа всем телом от испуга, к чему бы это? Что это за напасть ожидает моего сыночка Владычица, спаси и сохрани.

Груне хотелось бросить работу, взойти к сыну на крыльцо и покалякать с ним, про сон рассказать, разгадать его, своими мыслями поделиться. Давно уже она по душам с сыном не разговаривала. Но в этот тихий вечер она решила не тревожить сына страшным сном.

Мало ли что может взбрести в голову во сне. Никита-то нынче сердешный на пахоте-то умаялся, пусть отдохнет, воздухом подышит, семечками побалуется. Тыквенные зерна полезны, глистов из живота изгоняют.

«Господи! Пресвятая мать Богородица, дева Мария, жалко мне недоросля, сил нет как, одного в поле отпустить. Молод он еще, землю пахать. Она ведь не вешанная. Надорваться отрок может. А дед Родион все одно твердит, ничего, мол, ему не сделается. Сила в нем немалая. И правда, отрок еще, а ростом и силищей деда догоняет. И сплеча косая сажень. Дедова обувь ему мала. Деревенские мужики диву даются, глядя, как он с тяжестями управляют. Господи, только бы не сглазили. Пресвятая Богородица, никто его в поле не посылает, сам по

своей охоте едет пахать. И получается у него. Глядела я как он с сохой и лошастью управляется не хуже мужика. Сноровистый он и прилежный. Охоч отрок до работы – прямо беда, удержу, нет. И поперек ему не говори. Дома одного тоже оставлять нельзя. От нечего делать, мечом неприподъемным балуется, обрушится еще. А то, шельмец удумает с рысиками наперегонки бегать. И откуда в ребенке столько живности? Вровень с рысиками пострел бежит и норовит еще оторваться от них, откуда столько горячности и силы, точно у него два сердца. А ночами читает запоем, свечей не напасусь. Читает все подряд: жития про святых, про своих предков, Евангелие, псалтыри. Попом хочет он стать. Да я не против – пусть читает, только бы не свихнулся. Плохо ли, если отрок грамотным станет, как отец его. В роду Босых все мужики были грамотеи, священные книги переписывали, сами молитвы сочиняли, былины.

Господи, большие дети, большие заботы. Никитке-то моему в конце этого месяца только еще пятнадцать исполниться, а по телосложению уже женихом смотрится, девки, да и молодухи-солдатки на него заглядываются, норовят бесстыдницы в избу ко мне зайти, чтобы значит, с Никиткой словом перекинуться, на речку позвать купаться. Я гоню их, не пушаю. Эти, шальные, недоросля развратить могут.

Господи, слава тебе, растет он у меня совестливый, набожный и послушливый. Но я все равно зорко приглядываю за ним, а то ненароком сорвется и начнет без разбора девкам и молодым бабам подолы задирает, долго ли до греха? А блудить начнет, не дай Бог, неуправляемый будет. Попадет еще, какая-нибудь, Господи и пропадет отрок... Господи, вразуми, спаси и помилуй моего сыночка, единственного наследника и продолжателя древнего богатырского рода Босых. Аминь».

Огромное малиновое солнце коснулось вершин далекого синего леса, и когда оно зашло за горизонт, начался массовый лет майских жуков. Никита налету жука поймал, стал с интересом разглядывать его. Его заинтересовали крылья жука. Сверху у него были крылья жесткие с металлическим оттенком, как и весь он, сам, а под ними вторая пара крыльев – синие, нежные лепесточки.

«Жук, как в доспехах, грузный, а летает. Чудно. Может и человек научиться летать. Ведь все так просто: надел на себя легкие крылья, прикрылся жесткими и полетел...»

Никита от своей детской мечты рассмеялся. И тут до него донесся звон колокольчика на окраине села. Он повернул голову и увидел на пологом спуске Лысой горы мчавшуюся во весь опор карету с кучером на облучке, который, задрал руки вверх, правил двумя вороньими рысиками с белыми звездочками на лбу. За экипажем клубилась облаком пыль.

Вот карета выскочила на центральную улицу Сосновки и вдруг остановилась напротив Никитки. Разгоряченные кони заржали, продолжали топтаться на месте, прятать ушами, из-под их удил на землю срывалась клочьями пена.

Открылась дверка, из кареты спустилась по крутым ступенькам юная барышня-подросток с большими зелеными глазами, одетая по-городскому, как дочь воеводы или чиновника, не ниже рангом. Удерживая рукой разноцветную широкополую шляпу с пером, она глянула на сидящего, на крыльце Никитку снизу вверх, мило улыбнулась и поздоровалась:

–Здрассте, дяденька! Скажите мне, пожалуйста, где Васятка Чирков живет, сын Авдотьи Чирковой.

Никитка усмехнулся, спустился с крыльца и, приблизившись к юной незнакомке, сердито сказал:

–Какой я тебе дяденька? Глаза разуй, тетенька!

Девчонка оторопела и с удивлением стала разглядывать стоявшего перед ней рослого босоногого молодца с могучей шеей, с широкой грудью, с узкой талией и длинными, рослыми ногами, на которых красовались застарелые цыпки, царапины и на мозолистых ступнях длинные ногти. То был мужик – не мужик, отрок – не отрок, а детина, с моложавым лицом, с синими лучистыми глазами и румяными щеками. Тут-то Огашку-Сироту и осенило:

«Так это же Никитка Босой, тот самый юный богатырь, а вернее «золотой» жених, про которого мне говорила на свиданке в остроге мать-тюремщица. Вот значит ты, какой медведь, мой суженый, в такого не грех и влюбиться. Утонула я в синеве твоих глаз. Хорош, ничего не скажешь, только надо попытать. Может ты дурак набитый?»

Пауза затягивалась.

Никитка от пронзительного взгляда юной особы засмутился, стал волосы на голове приглаживать, синюю рубаху-косоворотку поправлять, шмыгнул носом и утерся рукавом.

«Чего это она на меня уставилась тяжелым взглядом, точно ведьма? Сглазит еще. Ездят тут всякие».

Наконец-то незнакомка улыбнулась и представилась:

–Издалека я, из Самары, Огашкой-Сиротой меня в крепости зовут. А ты, юный богатырь, значит Никитка – сын лапушки Груни Босой. Дед твой Родион Большой. Все я о вас знаю. Ворожея я.

Никитка нахмурился, глянул на девчонку из подлобья и дерзко ответил:

–Для своих, я Никитка, а для чужих я уже вырос!

И вообще, проваливай от двора. С ворожеей мне не о чем разговаривать. Ехай к своему Васятке Плешивому. Так по-уличному зовут у нас сына Авдотьи Непутевой. Около церкви он живет, там за поворотом. Избу его узнаешь по худой крыше, проваливай, говорю!

–Прости добрый молодец, буду звать тебя Никитой. Не очень-то ты ласковый. А мне про сосновского юного богатыря говорили много хорошего. Жить я приехала в Сосновку. Теперь часто встречаться будем. Может и подружмся, любовь закрутим. Чем черт не шутит. А то ворожить научу. Веришь в судьбу?

–В судьбу верю, но ворожбы не признаю. Грех ворожить. Что на роду написано, то и сбудется. Много вас гадалок развелось. Работать лень, вот и морочите людям головы.

–Вот ты, какой шибко грамотный, как поп знаешь, что грешно, а что нет. Может, попом хочешь стать?

–А что? Буду!

–Не станешь ты попом. Служивым будешь. Молодому царю нужны вот такие громилы, как ты. Скоро, очень скоро загремишь в солдаты. Попомни мои слова.

Никитка рассмеялся.

–Молод я еще. В пятнадцать лет в солдаты не берут.

–Когда будешь царю нужен, тогда он тебя и заберет для потешных игр.

Никитке надоело бестолковый разговор вести с ворожеей, и он взял девчонку за плечи, подтолкнул к карете.

–Ехай говорю. Стемнеет скоро. Ночью гостей не встречают. Огашка-Сирота стала отпираться.

–Не прикасайся ко мне, хулиган! Придется мне теперь вплотную заняться твоим перевоспитанием. Посмотри на себя, босяком выглядишь. Цыпки развел на ногах. Одет в самотканые штаны. Слушайся вот меня, циркачом тебя сделаю, в люди выведу, человеком станешь, а не неуклюжем медведем.

Никитка возмутился.

–Эй, ты, от горшка два вершка заткнись!

«Чего это я, в самом деле, раскудахталась у чужого двора, остыть надо, а то люди подумают черт знает что. Скандалистка приехала – скажут».

Огашка-Сирота решила сменить тон разговора, прикинулась наивной простушкой и залепетала ангельским голоском:

–Прости меня Никитушка, за грубые слова. Не хочу я с первой нашей встречи с тобой, сокол, ссориться, наоборот понравился ты мне и подружиться я с тобой хочу. Пошутила это я. Люблю я розыгрыши разные. С шутками и прибаутками жить интереснее.

Просьба у меня к тебе, юный богатырь, сундук тяжелый я в карете привезла, помоги нам его разгрузить и затащить к брату в избу. За мной не пропадет. Конфетку с мохром большую дам, садись в карету. До церкви прокатишься с ветерком.

Никитка усмехнулся.

—Ладно, езжайте, — сказал он, — я на своих двоих с удовольствием пробегусь.

—Тогда не отставай. Умеешь, увалень, бегать-то?

Резко повернулась кругом Огашка-Сирота и направилась, было к карете, но тут она краем глаза увидела в палисаднике в зарослях малины притаившуюся женщину, одетую в темное до земли платье и повязанную до глаз темной косынкой.

«Вот прижухалась, кулугурка, стоит и подслушивает».

Огаша-Сирота остановилась. Она поняла, что это мать Никиты-лапушка Груня.

«Вот любопытная, чертова баба, как это я сразу не заметила».

—Здрасте, тетя Груня, — крикнула она в палисадник и заулыбалась, — а я вас только сейчас увидела, извините. Дочь Авдотьи Чирковой я. Мать мне о вас много рассказывала, как вы с ней в Сызрани учились, кажись, даже дружили. Груня в ответ не проронила ни одного слова, продолжая глядеть на приезжую, хмурым, недружелюбным взглядом. У юной ворожеи недолго играла на лице вымученная улыбка. От тяжелого, раздевающего до гола взгляда суровой кулугурки, осеклась и сникла, спешно поклонилась и побежала к карете.

Провожая осуждающим взглядом легкого поведения девочку- подростка, Груня в сердцах прошептала:

—Вот она змея подколодная объявилась, не запылилась. Сон в руку. Вторая Авдотья Непутевая, такая же глазастая и языкастая. Ни совести, ни скромности, при первой встрече, готовая броситься на шею первому встречному. Молодая, а ранняя. В подружку навязывается моему Никите. Только ее ему не хватает. Ну, уж не бывать этому. Пусть она любовь крутит с мирскими, а не с кулугуром. А может и не отстать. Все зависит от того, с какой целью она сюда приехала. Может даже по заданию матери или какой банды. Всяко может стать.

У лапушки Груни под ложечкой заныло, испарина выступила на лбу. Почуяла она беду неминуемую.

«Как уберечь сына? Хорошо, что Бог упредил событие, знать мне дал вещим сном. С Никиткой непременно надо поговорить. Порчу, проклятая, напустить может, отравить. Чирковы, такие, враз облапошить могут, на разбой только и способны. Господи, спаси и помилуй мое единственное чадо. Обед дам совсем хмельное не пить, мясо не есть, только прикрой всевышний его от зла и корысти. И мне дай разум, терпение, чтобы свалившиеся на меня невзгоды пережить и не ожесточиться. Главное, мне сына сохранить и свою душу не потерять. Об этом тебя молю!»

Взяв в горсть полу длинного платья, Огашка-Сирота поднялась по крутым ступенькам. Кучер, прикрыв распахнутую настежь дверь, взмахнул кнутом. Рысаки рванули с места в карьер, как будто того и ждали.

«Крутая девчонка, — подумал Никита о юной барышне, — сама пигалица, а тоже гнет из себя. Мы здесь в лесу тоже не лыком шиты. Это я-то неуклюжий медведь? Ну, погоди!».

Кровь могучих предков закипела в жилах молодца, и он бросился вдогонку за экипажем.

Кучер глаза вытаращил, когда увидел долговязого отрока- переростка, обгоняющего рысаков. Он вскочил, огрел кнутом коренного и заорал:

—Но!

Рысак заржал от боли и незаслуженной обиды, куснул стремennого. Тот понял вожака и рванул стремяна.

Озлобленные рысаки погнались за впереди бегущим человеком, грозя сбить его копытами.

Из подворотен на улицу выскочили собаки и стаей понеслись с лаем за каретой.

На шум с улицы сельчане прильнули к окнам, дивясь на юного Босого. Огашка-Сирота тоже высунулась до пояса из окна кареты, удивленная увиденным, не меньше чем другие. Она вошла в азарт необычными скачками.

–Давай, Никита, не то пятки отдадим! – заорала она.

А Никита, не оглядываясь и высоко задрав голову, работал изо всех сил ногами и руками. Он как огромная длинноногая птица несся впереди рысаков. А те не отставали от него. Казалось, что кони вот- вот настигнут его и растопчут.

У Огашки-Сироты сердце захолонуло.

«Господи! Спаси и помилуй юного богатыря! Не дай ему споткнуться и упасть!»

Никитка круто повернул около палисадника бревенчатой православной церкви по направлению к избе Васьки Плешивого. И пока кучер разворачивал экипаж по пологой дуге, юный богатырь вбежал на высокое крыльцо. Он уже отдышался, когда наконец-то карета развернулась и остановилась рядом с ним.

Никитка поднял руку, заржал как жеребец на все село, трубя свою победу.

Васятка не ждал гостей. Он только что пригнал мирское стадо овец и коз и, сидя за столом, с удовольствием утолял жажду студеным молоком. Услышав лай переполошившихся собак и шум у крыльца, он не спеша, вышел посмотреть, кто приехал. На улице к нему подскочила городская девчонка с зелеными, как у матери, смеющимися глазами.

–Сын Авдотьи Чирковой здесь живет?

–Это я и есть. – Сказал Васятка растерянно.

–Пугливый ты какой-то, горбоносый казачек. Сестра я твоя. В гости приехала. Огашкой-Сиротой меня зовут. Встречай гостью! Аль не рад?

У Васятки от удивления глаза на лоб полезли. Он просто оторопел.

–Какая еще сестра? Недавно мать-нищенка объявлялась, теперь еще сестра, чудеса, и только!

Огашка-Сирота засмеялась, повернулась к брату спиной и махнула рукой кучеру.

Кучер-молодой расторопный детина спрыгнул с облучка и принялся выгружать из кареты узлы, сундук.

–А ты чего стоишь синеглазый отрок-переросток? Рот открыл, а не поешь, – сказала юная барышня Никитке, стоящему рядом с рысаками, – таскай узлы в избу.

Никитка улыбнулся, хотел на грубость ответить дерзостью, но раздумал.

«Вот глазастая, с такой ухо надо держать востро, а я и в самом деле, как дурак рот разинул, растяпа».

Никитка пошел к самому большому мочальному кулю, попытался приподнять его одной рукой, но куль, как прилип к земле, пришлось ему обоими руками ухватиться.

–Что вы в куль наложили? Камни что ли?

Огашка с интересом глянула на юного краснощекого богатыря, выглядевшего красной девицей, только косы не хватало, да сарафана. Такого высокого отрока с моложавым лицом она увидела впервые.

–Не донесешь, богатырь, помочь? Книги в куле, целая библиотека. Жалко было в городе оставлять, сюда привезла, может, пригодятся.

–Книги? Вот это да! – сказал Никитка и, легко перекинув куль через плечо, трусцой побежал в избу. А, вернувшись, Никитка ухватился за окованный жестью сундук.

–Сундук всем скопом понесем! – крикнула Огаша, – надорвешься, удалец. Васятка с кучером тебе помогут.

–Не впервой. Один донесу, – ответил Никитка и легко понес сундук на вытянутых руках, как будто в нем не было тяжести.

У Огашки-Сироты глаза загорелись, глядя на юного силача. Происходящее для нее было как в цирке.

«Чудо, а не жених».

Оставшись одни, брат с сестрой уселись за стол. Васятка налил в кружку молока и подал гостье.

–Пей, Огаша, козье молоко сытное, полезительное.

–Спасибо, братец, не откажусь. Вот я и дома, – сказала Огашка- Сирота весело и громко, потом, отхлебнув глоток студеного молочка, стала рассказывать о себе:

–Не очень хорошие дела, брат у нас с тобой. Наша мать рожала детей много, на редкость плодовитая женщина. И как кукушка подбрасывала своих беспомощных младенцев, завернутых в тряпки, чужим людям воспитывать, забывая по пьянке, кому и где. Меня случайно узнала в городе на толкучке, где я кресточками и рыболовными крючками торговала. Да и то недолго она со мной общалась. В острог ее посадили надолго.

Меня воспитывала старая мордовка Штурочка известная в лесном Поволжье ворожея и целительница. Но мне и с ней не повезло: сожгли ее на костре, как колдунью Самарские мужики по темноте своей. Много доброго сделала Штурочка людям. Многих страждующих вылечила она за свою жизнь. Царствие ей небесное, огнеопальной!

Огашка перекрестилась и продолжила рассказ:

–Ремеслу своему научила меня мордовка, приданное мне, скопила, денег на черным день. Это ее вещи, книги и сундук я привезла. А у нашей мамы за душой ничего нет,

Васятка нахмурился.

–Значит мать сидит, я так и предполагал. Казаки ее пьяную от меня увезли.

В избе сгустилась темнота.

Огашка-Сирота сказала:

–Свечку зажги что ли, не видать ничего и узлы развяжи. Рубаху и портки я тебе привезла. Гостинцы в саквояже, на стол выкладывай, натряслась я, кости ломают.

–Свечки у меня нет, и не было, лучиной обхожусь. За портки и рубаху спасибо, оборвался я, чужие не по росту поноски ношу. Стыдно.

Васятка от тлеющих углей на шестке печки лучину зажег и воткнул ее в глиняный горшок над шайкой. В избе стало светлее. Можно стало вечерять.

За трапезой гостья пояснила причину приезда.

–На последнем свидании в остроге мать велела к тебе ехать, одной семьей жить.

Васятка оживился.

–Живи, раз приехала, вдвоем не боязно и веселее. Стадо овец и коз я пасу мирских, помогать мне будешь, прокормимся.

Огашка засмеялась.

–Нет, брат не пасти овец я сюда приехала. У меня свое ремесло есть не хуже, чем у других. Лекарские курсы я кончила на сестру милосердия. Сразу тебя предупреждаю, держи язык за зубами. О матери и обо мне ничего не знаешь. Что надо я сама людям скажу.

–Понял, буду нем, как рыба.

–И еще скажу, Васятка хоть ты и старше меня, а подчиняйся. Слушаться будешь во всем, обувать и одевать тебя буду как барина, коня куплю, ружье. Мне от тебя не много надо: будешь собирать травы, какие я тебе скажу.

–О чем разговор, сестра? Целый день я в перелесках маюсь от безделья. Травы, какие покажешь, я буду носить тебе вязанками.

–Ну, вот и хорошо, договорились, значит.

Утром при выгоне стада бабы стали приставать к Васятке с расспросами: «Кто такая? Зачем приехала?»

Васятка махнул рукой и сказал:

–Не приставайте. Идите в избу и сами ее расспрашивайте, а мне некогда с вами ласы точить, скотина не ждет.

И потянулись сосновские бабы и девки к юной ворожее, кто по любопытству, а кто по нужде со своими болячками и душевными муками.

А в глухом лесном поселении люди нуждались в лекаре. Юная сестра милосердия никому не отказывала в помощи, лечила детишек от поносов, старух от запоров, у страждущих снимала порчу, сглаз.

Огашка-Сирота быстро освоилась в качестве лекаря-знахарки, смело ходила по избам, глядела, кто, как живет и чем дышит, выговаривала грязным хозяйкам за плохо вымытые и не прожаренные горшки, за грязных ребятишек, грозилась на неряшливых пожаловаться старосте Родиону Большому.

Еще юная целительница была не по годам хитра. Сама продумала свое поведение с посетителями и больными и стала строго его выполнять. Так ей удалось мало-помалу создать образ ворожее-целительницы, лечащей молитвами, заговорами, настоями на водке, на меде, массажем. Еще она раз в месяц ездила в уездный город и привозила оттуда порошки разные, пилюли, новости.

Везло в то лето Огашке-Сироте как никогда. У многодетной мельничихи в пруду утопили пятилетние близнецы-двойняшки. Сам мельник прибежал в избу целительницы, в ноги бросился.

– Христа ради, спаси моих деток, оживи, – стал умолять он ворожее.

Огашка-Сирота еще ни разу не оживляла утопленников. И она не уверена была, что сможет как-то помочь в беде мельнику. Штурочка ей сказывала, что она откачивала утопленников, да и на курсах сестер милосердия обучали оказывать первую помощь захлебнувшимся в воде. Инструкцию она знает и проделает все, что для этого требуется, а оживут ли малыши и сколько времени они были в воде мельник сказать не мог. Да еще, Огашка-Сирота боялась мертвых, брезговала подходить к ним. Она же была сама в то время дите. Какой лекарь в тринадцать лет? Хвастовство одно в худшем случае, а в лучшем энтузиазмом помочь людям в их беде. Вот она и была энтузиастка. Не могла людям отказать. Такой сердобольной воспитала ее старая мордовка Штурочка. На доброте мир держится.

– Ну что ты, дочка, медлишь? Бежим скорее. Они же – детки мои пластом лежат на берегу. Мать над ними убивается.

И Огашка-Сирота не нашла в себе смелости сказать правду несчастному отцу, что она не может ему помочь просто не знает как.

«Назвалась груздем, полезай в кузов» – прошептала с отчаянием юная сестра милосердия, схватила свою лекарскую сумку с ненужными для этого случая пилюлями, порошками, мазями, отварами и побежала вслед за мельником.

Огашка-Сирота, как опытный лекарь в таком деле, показала руками, как надо откачивать детишек. Взрослые поняли, открыли рты малышам, положили их набок, слили воду из утопших и стали рот в рот дышать с малышами. Такая страшная процедура длилась долго, но окончилась полным успехом. Малыши сначала порозовели, а потом начали дышать самостоятельно.

– Теперь оденьте их потеплее, и они придут в себя, – сказала Огашка-Сирота и заплакала.

От перенапряжения она обессилила, и сама потеряла сознание. Она очнулась, когда ей побрызгали водой лицо.

– Как малыши? – спросила она.

– Оба живехоньки! – ответил ласково ей мельник и добавил, – вот молочка тепленького попей, счастье ты наше, святая Огаша. Я тебя на руках домой отнесу. Век буду тебе обязан.

Да, тот случай был чудом и для самой сестры милосердия.

– Видимо Богу было так угодно, – призналась она сама себе.

А мельник, его жена и другие кто присутствовал при откачивании малышек, думали по-другому. Они уверились в чудодейственном даре юной целительницы. И повалил люд со всей

округи в Сосновку на прием к Огашке-Сироте со своими болезнями. Богатые за исцеление платили ей серебром, а кто и золотом.

Авторитет юной целительницы докатился до самой крепости Самара. А там знали ее раньше. Так и стала Огашка-Сирота в юном возрасте целительницей губернского масштаба. Это была уже слава и конечно доход.

Но лекарство лекарством, а на уме у юной ворожеи был «золотой» жених. Бриллианты его ее интересовали. Ведь она матери – тюремщице клятву дала женить на себе юного богатыря, распятыя целовала.

Ко второй встрече с Никитой она готовилась заранее, обдумывала, как одеться, как вести себя, что говорить, чтобы он серьезно обратил на нее внимание и влюбился.

А вот в воскресный день на площади, около бревенчатой православной церкви Огашка-Сирота смело встала на пути «золотого» жениха.

–Здравствуй! Сокол мой ненаглядный, соскучилась я по тебе, а тебя все не видно на улице, обещался за книгой прийти, а не идешь. Я тебе подобрала роман про любовь. Приходи вечером. За чашкой чая поговорим о том, о сем. Меня заинтересовал ты своей силой, лютостью. Хочу больше о вас знать. Вот, например, почему вас Босыми зовут?

Никита усмехнулся и ответил:

–Ходим, босые, потому и называют нас Босыми, такая и фамилия пристала.

–Вот как? Это уже интересно. Пройдемся, сокол, может, расскажешь мне про своих предков. Сказывают, они богатырями были, подвиги совершали, вот как ты в прошлый раз. Из походов должно быть с наградами возвращались. Я тоже люблю слушать и читать про старину легенды, сказы.

Никитка нахмурился. Он вспомнил предостережение деда, сказанное ему совсем недавно:

«Помалкивай, внучок, о наших предках, еще пуще храни тайну о родовых наградах, о золоте. Воров в наше время развелось тьма. Нельзя и глупо перед первым встречным душу открывать нараспашку. Помни, какая судьба постигла твоего отца. Нам настороже надо быть. Кровью заплачено за тайну родового золота».

Никита, глядя в зеленые глаза приезжей ворожеи, подумал:

«Много будешь знать – скоро состаришься», а вслух сказал:

–Не умею я рассказывать, не дано. И некогда мне: к деду спешу, и житие наши мужики не писали,– соврал Никитка.

Огашка-Сирота уловила холодок неприязни в голосе отрока, поняла, что затронула запретную тему, но не подала виду.

–Ну, ну! Конечно, иди. Дед то, небось, заждался. Не смею тебя задерживать. Надеюсь, что мы часто теперь будем встречаться, – сказала она, кокетничая, и в шутку добавила:

–А ты все растешь не по дням, а по часам, как в сказке богатыри. Ну, расти, а как будешь со слона, я на тебе буду воду возить, в лес ездить по грибы, по ягоды.

Никитка шутку не понял, ему стало не по себе, он готов был рассердиться.

–К чему ты это? Я же с тобой по-хорошему.

–А я и по-хорошему. А все-таки на таком верзиле грех не прокатиться.

–Ну, ты, поосторожней с выражениями, поищи лучше другого дурака. На меня где сядешь, там и слезешь, гадалка несчастная, пигалица!

Огашка сменила выражение своего лица, зло глянула на деревенского отрока-переростка. Ей захотелось ему досадить за скрытность и невнимание к своей особе.

–Грубиян, деревенщина, верзила неотесанный!

Такого хамства Босой не ожидал от горожанки, он захлопал белесыми длинными ресницами, не зная, как поступить дальше и что ответить.

А ворожея, глядя в синие глаза красавца, сказала:

–Что проглотил? Следующий раз не будешь мне врать, не люблю болтунов! И показав «золотому» жениху синий от черники язык, повернулась кругом и, хохоча, побежала вприпрыжку домой.

Никитке хотелось догнать дерзкую девчонку и надрать ей уши, но он сдержался, постеснялся людей.

«Скажут: с девчонкой связался».

Дома Огашка-Сирота, перебирая и анализируя в памяти весь разговор с «золотым» женихом, покаялась, что грубо обошлась с ним.

«Никита может мне этого не простить. Конечно, надо брать быка за рога, но не так грубо, лаской, поцелуями, любовью».

Огашка-Сирота, стоя около зеркала, размышлялась, вошла в настроение, потянулась, прижала горячие ладони к соскам набухших грудей и тепло опоясало ее талию, истома, ноги стали ватными.

«Во мне этот бриллиантовый пробудил женщину, я уже хочу его. Штурочка права: слаще любви ничего нет. Да, пора брать быка за рога. Лед растоплю ладонями, зацелую. Мое горящее огнем сердце зажжет и его. Господи, помоги...».

Но и третья встреча ворожеи с Босым закончилась скандалом. В церкви это случилось.

Никита от сверстников прослышал, что в православной церкви батюшка проповедей читает интересные, про любовь и решил послушать. В церкви он увидел Огашку-Сироту, скупающую, около Васьки Плешивого. Увидев Никиту, она загорелась румянцем и стала строить ему глазки. А Никите показались противными ее обезьяньи гримасы. Ему не нравились девчонки, которые к нему сами навязываются, поэтому он отвернулся и стал попла слушать. Отчего ворожея позеленела вся, потихоньку подошла к «золотому» жениху сзади и толкнула его в спину.

–Уходи, кулугур, из нашей церкви, у вас своя молельня есть!

–Отстань! – ответил ей Никита, толкнув навязчивую девчонку рукой, – дай послушать, интересно же, про любовь батюшка говорит. Огашка в драку, ядом брызжет. Но ее одернула стоящая рядом старушка и ворожея присмирела. Тут же она спохватилась.

«Опять меня бес попутал, с бриллиантовым поцапаться, шалая я, с залетами. Правильно говорят: яблоко от яблони не далеко падает. Так и есть. Так я могу проворонить его совсем».

Из церкви Никита вернулся возбужденный. Сразу же пошел к матери.

–Был я, мама в церкви, там батюшка говорил, что душа человека после его смерти улетает на небо, на суд Божий. А вы с дедом говорите, что она рядом обитает и когда пожелает в потомках возрождается. Растолкуй мне, что к чему, а то путаница в голове.

Груня погладила по кучерявым волосам уже взрослого сына и ответила:

–Кулугуры мы, Никита, старой веры, самой правильной.

Слушай нас с дедом и не сомневайся. Истина эта в старых, священных рукописных книгах сказана.

–Знаешь, мама, кулугурская вера мне больше по душе. Вот возьмут меня на службу и если убьют на войне, то душа моя к вам в Сосновку вернется.

–Да, что ты! Бог с тобой!

Никита засмеялся.

–Это я так, чтоб понятней было. Мама, а почему у нас в роду все мужики рослые и очень сильные?

–Знать у нас порода такая. И ты таким вырастешь, если зелье не будешь пить. Босые издревле только мед пили. От меда у мужиков вся сила и долголетие.

–А можно мне в православную церковь заходить? А то меня сегодня Огашка-Сирота оттуда выгоняла.

–Можно. Наша вера тебя не связывает. А Огашка пристаёт к тебе с соблазнами?

–Пристает, глазки строит.

–Не поддавайся сынок, полюби девку нашей веры. Муж и жена должны быть одной веры.

На другой день рано утром Огашка-Сирота около речки в кустах поджидала Никиту. Там он всегда коня поил. Все она правильно продумала, рассчитала и дождалась.

Отрок-переросток подвел Серого к положому берегу и отпустил повод, а сам, запрокинув голову, смотрел на ястреба, парившего в утренних лучах солнца. Ему самому захотелось вот так парить в вышине. Во сне он часто летал. А наяву вот невозможно. А попарить в небе ему так хотелось.

Огашка сирота вышла из укрытия с лукошком в руках.

–Здрасте, сокол, полетать хочется?

Никита вздрогнул и обернулся.

–Здрасте! Если не шутите, юная барышня, в город собралась в такую рань?

–Не угадал. Тебя ждала. Хочется мне с тобой по лесу побродить, грибов на жареху набрать, на костре и пожарить. Хорошо время проведем. Нынче я добрая. Ни в чем тебе отказу не будет. У костра еще вином побалуемся. Во сне я с тобой целуюсь. Хочется и наяву. Небось, и целоваться то не умеешь. Хочешь? Научу!

Никитка, не дослушав ворожею, вскочил на коня, стоявшего в речке, натянул повод и Серый рванул на крутой берег. Был Никита рядом, и нет его. Скрылся всадник за кудрявыми ивами, оставив Огашку-Сироту с носом.

«Вот подлец, трус несчастный, сбежал. От девки сбежал!»

Приуныла ворожея, но и после этого случая не теряла надежды приручить "золотого" жениха.

«Диких зверей дрессируют, а я, что не могу одолеть строптивость кулугура? Будет он моим и наследника ему рожу! Назло врагам, на радость маме. А с дитем я его обуздаю, миленьким будет, смиренньким, шелковым».

Гены древнего богатырского рода в крови юного Никиты брали свое. Он рос, ширился в плечах, мужал, характером становился своевольным. Дед с матерью старались ему не перечить, а во всем угодить. Сами они воспитывали его таким, смелым и гордым воином. И успели в этом.

С любовью мать с дедом наблюдали, как их рослый отрок играючи справляется с тяжелой крестьянской работой. Видели они, как он не знает усталости на полевых работах, на лесоповале, корчевании смолистых пней, при скирдовании снопов, на сенокосе, в ходьбе по лесу с лукошком за плечами.

Молва пошла по округе о силе, о лютости, о сноровке, юного Босого. Дошла она и до уездного воеводы, получившего в то время депешу из Самары, с указом молодого царя Петра, набрать из числа крестьянских отроков рослых и здоровых для службы в потешном войске.

Как принца доставили в карете царевы слуги Никиту на призывной пункт. Предстал он раздетый догола перед медиками и уездными чиновниками в мундирах. Робел отрок перед господами и ежился от стыда и холода.

Старый фельдшер в пенсне на цепочке дотошно осматривал призывника, измерил его рост, ширину груди, ощупал руки, ноги, заглянул в рот, в зад, приложил деревянную трубку, послушал биение сердца и пришел в восторг.

–Ни одного изъяна, здоров молодец, ростом три аршина с четвертью, богатырь. Молодому государю, только такие и нужны!

Потом остальные члены комиссии и господа стали задавать Никите каверзные вопросы, пытая призывника на сообразительность, и тоже остались довольны.

Только к вечеру Никита домой вернулся. Его отпустили с родными попрощаться, харчей на длинную дорогу взять.

За ужином Никитка рассказывал, как комиссию проходил.

–Натерпелся я сраму, голым стоял перед господами, признали годным. Отпустили только на два дня. У царя Петра буду служить в потешном войске.

–Вот оно, что, – сказал дед, – а я еще подумал: с чего бы призывают недоросля? Теперь все понятно. Когда некогда, а отслужить свое надо. В нашем роду все мужики были служивыми. А мать заплакала.

Накануне проводов призывника, вечером Огашка-Сирота, прячась в кустах около речки, наблюдала за ним, как тот купался, плавал, фыркая, как конь, прыгал в омут с крутого обрыва вниз головой, а когда надел портки вышла к нему на берег.

Никита опешил. Не ожидал он в такой поздний час появления на речке разнаряженной ворожеи. Предстала она перед ним ослепительной красоты, с соблазнительными полуоткрытыми грудями, с тонкой талией, с румянцем на щеках. Подросла Огашка, живя два года в Сосновке, окрепла, кровь с молоком стала девка.

«Красавица, завидная невеста, любой парень пойдет за ней, хоть в огонь, хоть в воду, только бровью она поведи. Какой же я, балбес, раньше ее такой не увидел, проворонил такую красоту. А теперь уже поздно, упущенное не наверстаешь, что с возу упало, то пропало».

Никита заставил на себя напустить беспечную веселость, кашлянул в кулак и поклонился девке в пояс.

–Здрасте, красавица! Тебя теперь и не узнать: подросла, похорошела, – сказал он, и собрался было уходить. Ему не хотелось в такой поздний час, на берегу с ворожеей задерживаться.

«Мама, наверное, заждалась, а эта нечистая сила опять будет измываться надо мной, соблазнять своими прелестями, так недолго и до греха. От нее можно всего ожидать, может опозорить на все село. Нельзя ей верить. Мама права: не чисто у нее на уме.

–Постой малость, Никитушка, дай юный богатырь наглядеться напоследок на тебя. Два года мы уже знаем, друг друга, встречаемся, а вот по душам поговорить не догадались. Нынче наш вечер. Посидеть мне хочется с тобой здесь на яру под кусточком, помечтать о нашем будущем, поцеловаться. Можно и вином побаловаться. Проститься нам с тобой надо по-хорошему, может потом, и свидеться не придется. Грустно мне сейчас: тебя и себя жаль. Не знаю я, как жить буду без тебя. Люб ты мне с первой встречи. Возьми, Никита меня с собой на службу – пригожусь, не покаюсь. В генералы тебя произведу. В роскоши и славе будешь при царском дворе служить. Не веришь? Вот крест!

И Огашка-Сирота демонстративно размашисто перекрестилась, потом заулыбалась искренно до слез и всхлипнула, как ребенок.

У призывника глаза на лоб полезли. Не слышал он никогда, чтобы девка сама сваталась. Он повременил, пришел в себя и с улыбкой ответил:

–Хороша ты Огаша, слов нет, как хороша, умом и честью взяла. Вишь, глаза зеленые, как изумрудные, брови вразлет, только не по мне. По Сеньке шапка должна быть. Да и говоришь ты чудно, несуразицу. Куда я тебя возьму? Когда я сам не ведаю, куда меня повезут. И под кусточком сидеть хмельным, целоваться и миловаться нам не позволительно. Не венчанным грех. Так в Евангелии писано. Блуд – это грех, непростительный. По Божьему жить надо, а не по-скотски. Всему свое время.

Огашка-Сирота возмутилась.

–Темнота несчастная, учить меня вздумал. В рот растешь. Посмотри вокруг, как люди живут: в любви и ласке. Слаще любви ничего нет. Живи одним днем. Вечер, да наш. Увезут вот тебя не целованного на царскую службу. И знаю я, куда тебя повезут. Такие недоросли-переростки молодому царю нужны. Служат они у него в потешной крепости на Язуе реке. Мать ему ту крепость построила для игровых баталий. Таких, только рослых как ты туда и гонят по царскому указу. Бывала я в той крепости, видела я там и молодого царя и его гренадеров. У юного помазанника все потешным называется: потешная крепость, потешная флотилия, потешные

собоутыльники, которые на свиньях пьяные в стельку катаются. Воинственный наш царь. Быть, сказывают, большой войне и не одной. Едешь ты, Никитушка, к царю, как к черту на рога. Около него всегда будет пекло.

Никита от удивления рот открыл, но вовремя спохватился.

–Все-то ты знаешь. А может, все врешь, пугаешь, насмехаешься? Легкой службы я не жду. Вот ты сулишь меня в генералы произвести. Да кто ты такая? Чтoб чины давать.

–Огашка-Сирота расхохоталась опять до слез.

–Ну, ты меня уморил своей наивностью. Ты что не читал, как миром правят женщины, да и в жизни все так.

Никита, рубанув воздух широкой ладонью, ответил:

–Да не хочу я быть генералом, мое место в рядовых. Так служить спокойнее: только за себя отвечать буду. Отслужу свое и домой, в лес, где жили мои предки, буду свою жизнь обу-страивать. Женюсь на крестьянке-кулугурке, и детей с ней будем растить, род мой богатырский продолжать. В глуши, вдали от соблазнов легче душу свою спасти. А мне что надо? Богатство наживать мне не надо, власти не хочу. Буду потихоньку жить и крестьянствовать, пчел держать. А такая тихая жизнь не по тебе. Ты городская. И жених тебе нужен городской, а меня оставь в покое. Кулугур я, старой веры, самой настоящей, а муж и жена должны быть одной веры.

Никита еще раз поклонился красавице и отстранив ее в сторону длинной рукой, зашагал по тропе в село.

А Огашка-Сирота осталась стоять на берегу. У нее глаза налились слезами. Тоска на нее навалилась. Она вспомнила наказ матери-тюремщицы, увидела ее, как наяву, спящей на грязных нарах, укрытую казенным одеялом, худую со шрамом на лице, несчастную и, глотая слезы, прошептала:

–Прости меня, мама. Не исполнила я клятву данную тебе. Не очаровала «золотого» жениха. Вырвался он из моих сетей. Старалась я, но у меня промашка вышла. Помешал мне кто-то. Скорее всего, его мать с дедом. Один отрок-переросток без их вмешательства не устоял бы.

А это тихоня, твоя подружка Лапушка Груня не так проста. Как ясновидящая при первой встрече просветила меня насквозь, мысли мои прочитала. Эта настоящая ведунья. Противостоять ей, я еще молода. А дальше поживем, увидим кто кого.

Мне не составит и большого труда к «золотому» жениху на службу съездить. Да только сомневаться я стала: стоит ли этот верзила такой чести. Есть в городе принцы повиднее и побогаче. На нем одном свет клином не сошелся.

Как Огашка-Сирота себя не успокаивала, а ее обида не проходила, чувствовала она себя брошенной и совсем пала духом. После такого отлупа стыдно было ей на люди показываться.

«Может утопиться в омуте? И вмиг пропадут все горести и обиды. Новая жизнь, как сказывают, начнется....».

Опостылела сама себе Огашка-Сирота, присела на краешек большого пенька, закрыла горячими ладонями мокрое от слез лицо и постаралась забыться, настроить себя на лад. И тут ее разбудила, прикосновением ко лбу холодной рукой, мордовка Штурочка и села на пенек рядом. Тяжело дыша, юродивая заговорила, чуть слышно:

–Авакай, дерякай, детка, совсем плохо тебе, запуталась совсем, худое дело задумала. О таком и думать забудь, грех. Разве можно из-за парня жизни лишаться? Да у тебя таких, как он, в ногах много будут валяться!

Огашка-Сирота испугалась призрака и, не глядя на него, сказала:

–Бабуля, ты же умерла у меня на руках! Как ты здесь оказалась?

–Не перебивай, – одернула девку Штурочка, – дай досказать.

Огашка-Сирота, чтобы не так страшно было, закрыла глаза.

–Можно и так. Вот, детка, я и говорю. Не раздваивайся, на мать не угодишь. Одно ее поручение сделаешь, даст еще труднее, и так, пока в тюрьму не угодишь. Будь сама собой. Снимаю я с тебя клятву, какую ты ей дала по малолетству, не зрелым умом. Оставь в покое «золотого» жениха. Его самого ждет несладкая жизнь. Натерпится солдат страха в войнах, хлебнет лиха и домой вернется героем. Но не судьба тебе с ним, смиришь, не в золоте твое счастье, а в служении народу, у тебя своя планида. Людей исцеляй от болячек и душевных мук. И Бог тебе воздаст.

Из реки на берег вышел выводок домашних гусей. Резвые гусята крыльями захлопали, взбираясь на бугор, и разбудили спящую Огашку-Сироту. Она вскочила и стала озираться вокруг.

Сумеречно было на яру, холодно. Густой туман окутал кустарник. Только узкий серп луны проглядывал робко из-за облаков.

Огашка-Сирота потянулась, зевнула.

«Долго я спала, уже полночь. Штурочку видела во сне. Не забыла меня, сердешная, и клятву с меня сняла. Спасибо, старенькая. Царствие тебе небесное».

Ежась от холода, повеселевшая девка, осторожно, чтобы не сбиться с тропы, пошла в Сосновку. Село в тумане было невидно. Только была слышна перекличка петухов.

Утром при ярком солнышке родные, почти все жители села провожали юного богатыря на царскую службу с песнями, плясками, со слезами.

Впереди толпы ехала повозка, запряженная в пару лошадей. Позади мушкетера в ботфортах и в шляпе треуголке на охапке соломы валялся холщовый мешок призывника с харчами и бочонок медового кваса на дальнюю дорогу.

Окруженный родными и близкими Никита, одетый в старые пожитки, которые на службе не жалко будет бросить, шагал в толпе, выделяясь ростом и могучей статью.

Перед тем как повернуть на большак, мать с дедом завели его на кулугурские мазарки, заставили призывника встать на колени у могилы отца и попросить у него благословенья.

–Благослови меня, тятя, – сказал Никита сиплым от волнения голосом, – и сопроводи меня сам на службу, будь там моим щитом.

А дед Родион Большой речь сказал:

–Иван, благослови дитя своего Никиту на службу ратную, долгую. Помоги ему, как можешь одинокому на чужбине себя не потерять, честь рода не посрамить, и здоровым домой возвратиться.

Около могилы мужа Груня нашла в себе силы сдержаться, а как процессия вышла с мазарок на дорогу, разрыдалась, запричитала, как на похоронах:

–Сокол ты мой ясный, кровинушка моя, может, и не увижу тебя больше....

Дед Родион Большой призывника учил уму разуму:

–Никита, служба в нашем роду не в диковину. Служивыми мы были с самой старины, телохранителями у князей. Уходили наши мужики в дальние походы в доспехах, с оружием, на своих конях. Вели себя в дружинах достойно: на службу не напрашивались, от службы не отказывались. Богатырями были Босые. С них был и большой спрос. За ними шла остальная рать. Им верили, и это их вдохновляло на подвиги. Старайся, Никита, быть подальше от начальства, за чином не гонись. В рядовых оно спокойнее, легче сберечь себя. Богу молись, помни заветы наших предков, зелье не пей и душа твоя спасется. Если сражаться придется на поле брани не бойсь: наши предки невидимо непреодолимой стеной за тебя будут стоять. У кулугуров из века так. Пиши нам письма, чаще понемногу, так три слова. Мол, жив, здоров.

На Лысой горе толпу провожающих нагнала Огашка-Сирота.

–Стойте! – крикнула она.

Люди оглянулись и увидели догонявшую их, запыхавшуюся молодую ворожею, разнаряженную, как под венец и неотразимой красоты. Точно ангел приземлился на Лысой горе.

Все остановились, а молодежь расступилась, дав ей возможность подойти ближе к призывнику. Все знали странные отношения упрямого кулугура и настойчивой ворожеей. Никита ее зрить не хотел, а Огашка-Сирота не уставала его обхаживать, нашла коса на камень. Молодежь поняла, что сейчас начнется потеха, комедия, цирк. А мужики и бабы подумали, что в деревни случилось что. Возможно, пожар или умер кто. Старым было и невдомек, что в голове у Огашки-Сироты план созрел: напоследок дать бой гордецу. Но это еще было не главным для ворожее. Любит она с малых лет розыгрыши разные, комедиями людей повеселить – посмешить.

Красавица Огашка-Сирота задуманное представление начала с невинного выступления. Сначала она, как и положено, по этикету подошла к матери призывника-лапушке Груне, посочувствовала ей, в щечку поцеловала несчастную. Затем деду Родиону Большому поклонилась, а дальше поздоровалась с толпой. И только потом удостоила взглядом самого призывника. Оглядела она его суровым взглядом и громко, чтобы все слышали, сказала:

–Теперь с тобой разберемся. Ну, ты, сокол, хорош! Спровадил меня вчера пьяную на высылки к ворожее бабке Акулине за пять верст от Сосновки. Ты, милый, что? Не захотел. Чтобы я была на проводах? Постыдился моего присутствия? Нашкодил и голову в песок? Умей ответ держать! Еле вот успела на твои провода, бегом бежала, запыхалась, думала и не догоню.

Толпа притихла, прислушалась к словам ворожее, стала сочувствовать ей, головами ей люди стали кивать.

Только один Никита ничего не понял, с грустью посмотрел на девку, пожал плечами и спросил:

–Ты о чем, Огаша? Не понял я!

Девка демонстративно отвернулась от Никиты, скорчила смешную гримасу, подмигнула рядом стоящим парням, потом приложила к глазам шелковый платочек и жалобно так, слезливо заголосила:

–Люди добрые, послушайте какой он, мой кавалер, будущий мушкетер молодого царя, гренадер, герой. Вчера таскал меня по всему лесу, а вечером на речке опоил каким-то зельем, целоваться полез, охальник, телеса мои гладить, на святое соблазнять. Сами знаете какая я на уговоры податливая, а спьяна у меня и поплыла земля из-под ног. И что уж было на речке потом, я ничегошеньки не помню. Очухалась я только нынче при солнышке на высылках в избе у бабки Акулины. Вот ирод, куда меня спровадил. Пришлось мне вот пробежаться в гору все пять верст на одном духу, как на крыльях, куда и похмелье, не знаю, делось. Вот видите: любовь зла, полюбишь и козла! А ведь и непохож на насильника, мордашка румяная, как у красной девицы, на губах еще молочко, пушек, а тоже.... Да ему то что? Теперь он поехал с царем в военные игры играть, из деревянных пушек горохом стрелять, по ночам блудливых девок щупать, начин-то уже есть....

А меня вот и не думает с собой брать. Я, значит, здесь оставайся, да вдруг еще с ребеночком.

Огашка-Сирота состроила смешную рожу, выдавила из глаз слезы и замычала телкой. Молодежь глядела на артистку хихикая.

Никита смутился, покраснел до шеи, слушает ворожеею и ушам своим не верит, рот разинул и слово в свое оправдание сказать не может. Наконец-то он проглотил подступивший к горлу комок, отстранил от себя на вытянутые руки завравшуюся девку и сказал:

–Эй, барышня, ты того, перепутала с кем пила и любовью занималась. У нас с тобой не было ничего. Может, тебе это приснилось? В самом деле, теперь, что обо мне люди подумают, дед с мамой. Вот крест, люди добрые, ворожее меня шельмовать вздумала!

Молодежь захохотала.

А Огашка-Сирота вытерла на глазах слезы, и, кокетничая, поцеловала Никиту в шею, оставив след румян. Вот видите у него на шее след поцелуя. Какого же рожна ему надо? Отпи-

ратся вздумал, а вчера, какие ласковые слова говорил. Обещался меня с собой в Москву взять, генеральшей сделать.

Вся толпа завизжала от восторга, а молодежь стала за животы хвататься.

Только одному призывнику стала омерзительна вся эта комедия. Он разозлился, скулы у него заходили под желваками, рассудок отрок потерял, не зная чем на вранье ответить.

–Мама! – вскричал призывник в отчаянии и развел руки в стороны.

Груня сквозь слезы улыбалась, глядя на озадаченного сына.

По загадочной улыбке матери Никита понял, что все это шутка, и он сразу же успокоился, и стало ему вдруг тоже смешно и нисколько не обидно за ворожею.

«Маме тоже смешно, это хороший знак».

Все остальные тоже это поняли и стали от души смеяться над, разыгравшейся на дороге живой комедии.

Толпа продолжала хохотать, только самой артистке стало вдруг не до смеха. Лицо ее исказила гримаса отчаяния. Огашка-Сирота закрыла лицо своими горячими ладонями и выбежала из толпы, отрешенная, готовая взвыть на весь лес одинокой волчицей. А другим до ворожей и дела не было.

На большаке, усаживаясь в казенный фургон, Никита напоследок крикнул:

–Мама! И ты, дед, не сомневайтесь, не пропаду я. Вернусь!

–Дай-то Бог, – ответил дед.

А мать опять зарыдала в темный платок. Васька Плешивый скрытно наблюдал издали за проводами, желая гибели врагу по крови.

Вот таким ехидным и злым увидела брата Огашка-Сирота в чаще молодых сосенок. Подойдя ближе к нему, она спросила:

–Чего ты здесь прячешься, как вор? Мог бы при людях попрощаться с призывником. Ведь он твой сверстник. Сказывали мне, что вы с ним молочные братья, одну грудь сосали.

Васька насупился, побледнел и, переминаясь с ноги на ногу, сказал:

–Враг он мне кровный. Его отец убил моего отца в Печилатском овраге. Пожадничал кулугур награбленным золотом и сознательно пошел на убийство. Это двойной грех. Жизнь человека дороже всякого золота. Наш с тобой долг отомстить за моего родителя. Кровь за кровь! Огашка-Сирота нахмурилась, сжала кулаки.

–Вот ты какой, а я и не знала. Складно рассказываешь, да чую я, не свои слова говоришь. Наплела тебе мать несурязицу, перевернула все с ног на голову. А ты, дурачок, поверил ей, и мстить собрался. Только знай: в разбое я тебе не помощница. Пошла я.

Так повезли юного Никиту силком на службу долгую, бессрочную – последнего из древнего богатырского рода Босых. А могли Царские слуги освободить его от воинской повинности. Был такой царский указ, не брать на службу последнего из рода. Да кто тогда знал о таком указе? Много было тогда законов разных, а еще больше беззакония.

Глава третья. Бессмертный кулугур

Трудно было удивить солдат потешных петровских батальонов рослым и широкоплечим молодцом. Сами они были все как на подбор высокие крепкие. Но, прибывший с новым пополнением Никита Босой, выделялся и среди них. Окружили гренадеры новичка.

—Откуда ты такой взялся, верзила?

Никиту трудно было вывести из равновесия, на оскорбление он и сам мог ответить оскорблением.

—Из леса я. С Волги, недотепы! — Улыбаясь, ответил он.

Все захохотали, поняв, что новичок не из простачков, с юмором.

Один из стоявших недалеко от Никиты, подошел к нему поближе протянул новичку длинную руку.

—Земляк, значит. А я из-под Самары. Федор Громов.

Никита с удовольствием пожал руку худощавому, но мускулистому земляку. С того дня и началась их дружба, такая, которую на Волге называют закадычной, то есть, настоящей мужской дружбой, навеки.

Новичков сразу же повели в баню мыться и обмундироваться. Разулся, разделся Никита в предбаннике. Лапти, портки, рубашку он, как ему было велено, сложил в мешок и сдал на склад. А когда помылся и вместе с другими пошел получать исподнее и верхнее обмундирование понял, что он поторопился сдать вещи на склад. Исподнее и обмундирование ему было мало. И на ноги ни одни ботфорты не лезли. Никита к старшему обратился:

Верните мне мешок со склада, я оденусь опять в свое. Не голым же мне по крепости ходить.

Старший по команде был озадачен, не знал, как быть и что предпринять. Нельзя ему было вести новичка на плац для осмотра, в гражданском. Вдруг там будет сам государь.

—Ладно, пошли на склад, завтра тебя одену и обую по отдельному заказу. В столовой Никиту тоже ожидал сюрприз. Плеснули ему на раздаче в котелок щей черпак, столько же на второе каши, а кружку компота он и не заметил, как проглотил. Дома Никита в обед съедал три таких котелка, не меньше. Из столовой богатырь вышел голодный и злой.

Через час после обеда молодых солдат повели на общий осмотр Преображенского батальона. Молодой царь Петр появился перед строем веселый, румяный, длинный как жердь, с вылупленными глазами, в чине унтер-офицера, в сопровождении рослого длиннотелого кавалера в рыжем парике.

—Кто это около царя крутиться на помаженный и напудренный?

—Спросил Никита шепотом, рядом стоящего солдата.

—Это его денщик Меншиков.

—Понятно.

Увидел царь Петр в строю новичков и солдата в лаптях, подошел вплотную, глянул на новобранца карими выпуклыми глазами и пронзил насквозь.

—Кто такой? Почему в лаптях и волком смотришь?

Никита не сробел, не отвел глаз, только живот вобрал в себя и грудь колесом выставил. После небольшой паузы он ответил:

—Мушкетер Босой перед вами, государь. На складе ботфорт моего размера не нашлось, завтра обещали сшить, а пока в лаптях.

—А почему волком смотришь, спрашиваю?

—Голоден, вот и злой.

—Что так?

—Еды дали мало.

–Просил бы добавку.

–На добавку несогласен: нынче дадут, а завтра откажут. Мои предки, когда служили у князей, ели за двоих, а служили за троих. И мне удвойте кормовые, не то сбегу.

Царь Петр переглянулся со своим денщиком, и они оба расхохотались. А, успокоившись, царь Петр сказал, подошедшему батальонному командиру – немцу в чине генерала:

Мушкетера Босого поставить правофланговым в первую роту и прибавить ему кормовые.

–Хорошо, государь! – ответил генерал.

После строевого осмотра Никита решил осмотреть потешную крепость молодого царя, с ним увязался земляк Федор Громов. Расспрашивая, друг о друге, солдаты прогуливались вдоль крепостных стен, укрепленных толстыми сосновыми сваями, лазили в бревенчатые угловые башни с узкими бойницами. Им там с высоты хорошо были видны ряды бронзовых пушек, мортир и единорогов, которые были укрыты мочальными рогожами с песком и глубокие наружные рвы, заполненные тухлой трясинной.

–И знаешь, Никита, как именует царь сию крепость? – спросил Федор

–Как?

–Стольный город Прешпург.

Никита и Федор расхохотались.

Мушкетер Федор Громов уже второй год служит в потешной крепости, участвовал во многих царских игровых баталиях и считал нужным о службе в крепости Никите рассказать.

–Служить здесь можно. Кормят нельзя сказать, что плохо. В других местах, говорят, солдаты впроголодь живут. И все потому, что мы сами в поле горох, рожь сеем. Капусту и огурцы на огуречнике выращиваем. Скотный двор у нас есть. Коров доим, овец стрижем, валенки валяем. Дрова в лесу сами заготавливаем, потому в казарме зимой тепло. В бане моемся каждую субботу. Раз в неделю в военные игры играем с Семеновским батальоном. А наш батальон Преображенским зовется. Толпы ротозеев глядят с высокого насыпного вала на крепостные стены, в которых мы «воюем». Зеваки кричат, потешаются над нами, хохочут как очумелые, знать им интересно. А нам солдатам бывает не до смеха. Царь сам любит палить по нам из настоящих пушек горохом. То и гляди, глаз выбьет. Да и другие случаи бывают. Часто после таких баталий солдат хороним. Так что играть играй, а рот не разевай. В рукопашной схватке, например, запросто убить могут. Ты со мной держись. Я уж обвыкся и тебя научу. Друг за другом надо приглядывать, в обиду не давать. И здесь в крепости и на войне. Двоим сподручнее. Поговаривают, что царь скоро потешные игры бросит, по-настоящему воевать будет с турками, со шведами. Поближе узнаешь его и поймешь. Воинственный он беда. Долго нам служить придется, в войну солдат домой не отпускают.

Когда Федор замолчал, Никита глубоко вздохнул и сказал:

–Понятное дело.

В башне на лестнице появился денщик царя. Подошел он к гренадерам, поздоровался, каждому руку пожал, а потом, улыбаясь, сказал:

–Еле нашел вас. Новичку вот принес поесть хлеба, чесночной колбасы.

Меншиков вынул из кожаной сумки хлеб с колбасой и отдал в руки Никите.

–Завтра опять чего-нибудь принесу. Ешьте! Сказывают ты, Громов, мастер на шпагах драться. Хочу я у тебя фехтованию научиться. И вообще, давайте со мною дружить. Как, по рукам?

Федор с Никитой со вкусом ели колбасу, улыбались и согласно кивали головами.

С тех пор почти ежедневно царский денщик угощал Никиту и Федора разными деликатесами с царского стола, а мушкетеры за это охотно обучали Меншикова ратному делу: драться на шпагах и саблях, без оружия защищаться и нападать. С плаца домой Меншиков уходил побитый, а то и с ранами от уколов шпагой, но с горящими воинственными глазами. Иногда на плацу денщик появлялся с царем Петром. И тот тоже охотно брал в руки шпагу и фехтовал с

солдатами. Царь Петр тоже был достойным противником. Не уступал гренадерам ни в злости, ни в сноровке.

Прав оказался Федор: в том же году возмужавшему царю наскучили потешные игры. Стал он по-настоящему с соседними государствами воевать, границы своего царства укреплять. В одной стороне война затихала, а в другой разгоралась. Где участвовал в сражениях, ставший офицером, Меншиков там с ним воевали и его телохранители. Никита прикрывал своего командира спереди, а Федор сзади. Так, бесстрашная тройка билась с турками в Крымской войне, а потом освобождала исконно русские земли в Прибалтике.

Но не всегда друзьям сопутствовала удача. В 1700 году в сентябре храбрая тройка под крепостью Нарва еле ноги унесла. Царь Петр тогда к той крепости подогнал целую армию с пушками, с мортирами. Но попытка захватить у шведов Нарву окончилась конфузом. При меньшей численности войск шведам удалось отогнать русских от крепостных стен и захватить много добычи. Достались врагу тогда почти все русские пушки, мортиры и обозы с провиантом.

Отступающих русских, шведы продолжали преследовать, кого настигали, кололи в спину штыками. В том бесславном бою Никита был ранен в бедро. Кость не задело, но рана сильно кровоточила, и на ногу нельзя было ступить. Федор сумел перевязать друга, остановить кровь, поднатужившись, взвалил его на спину и пока силы были, бежал, неся на плечах неподъемную ношу. А шведы уже рядом.... Упал Федор в высокую крапиву, прикрыв собой раненого.

–Тихо, земля, не стони, – зашептал он ему, – может, пронесет. И пронесло. Враги рядом пробежали, не заметили гренадеров. Поздно ночью разыскал Федор свой батальон и передал раненного в лазарет. Неудача под Нарвой не остудила воинственный пыл царя Петра, а наоборот вдохновила его готовиться к войне со шведами, с еще большей энергией. С церковью тогда по его приказу колокола снимали, передали их на мортиры и пушки. По деревням молодых мужиков набирали, согнали их в многочисленную армию, гоняли их с мушкетами до седьмого пота. Маршировали солдаты, учились по-настоящему воевать, а куда им было деться? Многие тогда не выдерживали такой муштры, убегали, но их догоняли и связанных привозили назад.

И ровно через два года и тоже осенью Меншиков со своими телохранителями стал участником штурма шведской крепости. На этот раз крепость называлась Нотербург и стояла она на острове посреди широкой полноводной Невы, Ту крепость наши предки называли Орешком, а позже она стала называться Шлиссельбург, что значит «ключ-город». При штурме той крепости Федор погиб, а Никита чудом остался жив. Такого ада ему видеть еще не приходилось.

Меншиков сам рвался в бой за чином, но на приставленную лестницу первым не полез, пропустил богатыря Босого.

С крепостной стены шведы бросали камни, бревна, лили горящую смолу, стреляли из мушкетов.

Наконец и Меншиков с Федором на стене. Александр Данилович без офицерского кафтана, в шелковой розовой рубахе, красавец, умел себя показать. Никита знал силу шпаги Меншикова, сам его тренировал. Этот поручик из низов, из простого люда, в бою не дрогнет, не предаст, увертливый и хитер как черт.

С такой подмогой Никита пошел вперед за ним Федор, а за Федором бросился Меншиков, за командиром и весь отряд. Шведы не выдержали натиска и отступили.

Удача передового отряда Меншикова вдохновило войско, *и вторая* партия лестниц взметнулась на стену.

Царь Петр, разгоряченный боем с подзорной трубой стоял на возвышенности в окружении генералов, с улыбкой следил за розовой рубахой и возгласами реагировал на успехи отряда штурмовиков.

Вскоре штурм перешел в побоище, в грабеж, в насилие. Над крепостью шведы подняли белый флаг.

Кругом кричали раненые, истекая кровью, молили о помощи, но до них никому не было никакого дела. Царь *праздновал* победу....

А Никита в лесочке неподалеку от войска, среди молодых сосенок хоронил своего закадычного друга Федора Громова. Только после боя разыскал он земляка на крепостной стене. Тот лежал посреди вражеских трупов со смертельной раной в груди. До поздней ночи просидел Никита у свеженасыпанного холмика, справляя тризну, плакал он и проклинал царя. Его считал он убийцей Федора. И даже на следующий день на *торжественном* построении Босому тяжело было смотреть на царя Петра. А пришлось еще, и подойти к нему за наградой, Никита подошел. Склонил голову как положено. Государь, улыбаясь, глянул на солдата-богатыря, зачерпнул их бочки полную деревянную кружку вина:

–Пей свою славу, герой!

Отвернулся Никита от протянутой кружки.

–Не пью я зелье.

–Что так? Старовер? что ли?

–Старовер, государь.

Царь нахмурился, поставил кружку, внимательно оглядел рослого солдата. Лицо в синяках, ботфорты порваны....

–Почему ко мне вышел в рваном? – в гневе спросил Петр.

Никита молчал.

–Почему солдат-герой в рваной амуниция? – спросил царь, уже обернувшись в сторону Меншикова.

–Так, мин херц. у него такие ножищи, ни в один артикул не лезут.

–Герой есть, сапог нет? Дармоеды! Сшить ему кафтан и двое сапог в запас.

Развеселившись, Петр приказал Меншикову:

–Неси свой трофей, раз он вино не пьет, пусть красоте радуется!

Меншиков, нахмуясь, повиновался. Подал Петру шкатулку заморской работы, украшенную бриллиантами и золотыми пластинами.

Петр нажал на крышке самый большой бриллиант, похожий на бычий глаз и шкатулка открылась со звоном колокольчиков. Он бросил в нее горсть золотых монет и передал Никите. Затем чмокнул солдата в щеку, обдав того винным перегаром и смрадом табака Никите сделалось муторно, захотелось сплунуть, но он сдержал себя, все-таки – царь.

Захандрил Никита, потерял друга Федора. Тоска его обуяла. Осточертела бесконечная служба. Стал он замкнутым и злым. Сослуживцы стали бояться его, то и гляди, затрещину даст новичку ни *за* что. И внешне запустил себя ветеран: волосы отрастил, лохматые бакенбарды. Его кустистые брови хмурились, торчали в разные стороны, так что синих и добрых глаз не было видно.

Один Никита Босой остался в штурмовом отряде Меншикова живым из своих сверстников. Молодые солдаты смотрели на ветерана-богатыря, как на чудо. И дали ему прозвище «Бессмертный кулугур».

Признайся, Босой, – докучала его молодежь, – заколдованный ты что ли? Ни пуля тебя не берет, ни штык, ни шпага. Откуда у тебя такое везение? Кто тебе помогает? Может нечистая сила? Неужели дьяволу проданся?

Никита, махнув рукой, уходил от разговора, а однажды в хорошем расположении духа ответил:

–Признаюсь, братцы, помогает мне в ратном деле, и кто вы думаете? Сатана? Дьявол? Ошибаетесь! Бог кулугурский стоит за меня непреодолимой стеной и мои предки. Вот переходите в мою веру, и вы спасетесь.

Нервы стали сдавать у солдата: осточертели ему кровавые сражения, тяготы и лишения службы полной унижений и оскорблений со стороны заносчивого офицерского состава. Люто-

вали мордобоем унтеры. Самого Босого они не трогали. Но Никите было противно смотреть, как измываются иноземные офицеры над беспомощными новичками. Дисциплина в батальоне держалась и на кулаках и шомполах. Сам царь терпеть не мог неповиновения солдат и на унтерский мордобой не обращал внимания.

В свободные от службы часы Босой без спроса уезжал в лес на волю, в ближних селах общался с простыми людьми с кулугурами, слушал, о чем толкуют. Нередко Босой пропадал в самоволке до вечерней проверки. Жаловались унтеры на своевольного гренадера самому князю Меншикову, но тот как мог, выгораживал своего телохранителя.

– Я его отпустил, – врал он офицерам, – на воле побыть. Лесной он человек, кулугур. Не приставайте к нему по пустякам. Его отлучки редки и не во вред службе.

А Северной войне и конца не было видно. В самые горячие точки бросал царь Петр гвардейские полки. А впереди них вел свой отборный штурмовой отряд храбрый военачальник, любимец царя Меншиков. Гибли десятками штурмовики. Отряд пополнялся из молодых рослых новичков. Обучал ближнему бою, не нюхавших пороха, молодцов ветеран Преображенского батальона Никита Босой. Солдаты боготворили богатыря. А князь Меншиков подумывал над тем как пристроить непьющего Босого на стройку нового города Санкт-Петербурга с генеральским окладом. Там ему был нужен свой человек. Но война ломала все планы светлейшего князя. В середине лета 1709 года назревало судьбоносное сражение русских со шведами под Полтавой. К нему готовились и русские, и шведы.

По преданию 26 июня 1709 года накануне Полтавской битвы со шведами Никита Босой получил из дома письмо. Читал он его, сидя за столом в хате украинских стариков, у которых квартировал. В хате он был один. Старики копались за окном в саду.

Никита обеими руками держал милые его сердцу листки бумаги, исписанные мамиными печатными буквами-каракулями, читая вслух:

«Добрый день, добрый час, здравствуй, сыночек мой. Пишет тебе из лесной далекой Сосновки мама твоя, вдова несчастная с осьмнадцатых лет от чистого материнского сердца привет тебе передает от себя лично, от твоего родного деда, от родных наших, что живут в округе и от сверстников твоих, друживших раньше с тобой, от целительницы нашей Огашки-Сироты и от других хороших людей, которые тебя знают и хорошим словом поминают, от Марфы – приемной дочери моей.

Дитятко мое, кровинушка моя, солнышко мое красное, в первых строках своего письма спешу тебе сообщить, что мы все живы и здоровы. Того и тебе желаем на долгие годы. Пусть Господь Бог и предки наши непреодолимым щитом защищают тебя в повседневной солдатской службе, на поле брани и в суеде от злых языков и недоброго глаза. Чур, им всем. А тебе пусть всегда светит красное солнышко.

Сын мой ненаглядный, воин наш, сочувствуем тебе мы с дедом, понимаем, горше нет хлеба солдатского. Несешь ты тяжелый крест служивого изо дня в день, вот уже годы, такова знать судьба. Соскучились мы по тебе, силы нет как. Я слепну от слез и ничего поделать не могу. Здоровье мое тонюсенькой свечкой тает в пламени тоски по тебе. Вот еще в последнее время сны мне стали сниться, что ты тоже не в себе, с ума сходишь по нам, хандришь.

Радость моя и надежда, ждем мы тебя никак не дождемся, надежды не теряем. Но и ты мужайся, не озлобляйся по мелочам, дурь на себя не накидывай. Бесам только поддайся, они враз и веревку принесут для петли. И пропадет твоя душа ни за что, ни про что. И канет в небытие наш род из-за сиюминутной несдержанности, за пустое бесовое наваждение. Молись, сын, и Бог ум твой прояснит, исцелит. Он милостив.

Были бы у меня крылья, сокол мой, и силы, полетела бы я через всю Расею нашу к тебе и сняла бы с твоей головы мрачные мысли, отчаяние, и тоску. И оставшиеся силенки отдала бы тебе и кровь до последней капли, чтобы только ты жил. А так ехать через всю Русь на пере-

кладных меня не хватит, пропасть могу. При моем здоровье и старости, дома надо доживать свой век, на земле предков. Тут и они с нами обитают.

Наследник ты наш, последний из богатырского рода Босых, помни, что, и дед тебя ждет. Он о продолжении своего рода печется до умопомрачения. Тебе уже четвертый десяток идет, а ты еще не женат и детей от тебя нет, и будут ли еще от такой ратной жизни, неведано.

Велит тебе дед подать царю челобитную. Грамотные и бывалые люди, купцы наговорили ему, что тебе царь вправе до окончания войны отставку дать, как последнему из рода. А что может быть. Подай челобитную, по башке не ударит. Попросись на разговор с ним, с глазу на глаз. Тебя – такого богатыря он не может не знать, награды тебе вручал, чай помнит. Взятку дай его главному писарю или вельможе, золотых не жалея, надо будет, ценнее золота безделушку пришлем. Вельможи падкие на подарки. Ну, сам смотри, тебе там виднее, мы тебе уже плохие подсказчики.

Недавно я встречалась с Огашкой-Сиротой. Она тоже самое мне говорила. И привет тебе передала. И сказала, что вызволила бы она тебя со службы, да сейчас у нее на руках дите малое. На людей нечего надеяться, действуй сам, посмелее будь.

В один год и день родились вы с царем Петром, ровесники вы. Вот скажи ему, что род твой древний, богатырский, на грани исчезновения.

И помазаннику должно быть понятно будет, что род Босых нельзя губить, умножать его надо. Разве допустимо, чтобы в державе богатыри совсем выродились, исчезли с лица земли. Кто же тогда защищать будет землю русскую, Расею нашу. Вот, Никитушка, царь выслушает тебя, призадумается, вникнет в суть твоей челобитной и отпустит тебя домой насовсем, в отставку значит. А иначе никак нельзя. Если скажет, что такого закона нет последнего из рода на службу не брать, то скажи ему чтобы издал, мать моя, мол так наказывала и дед – старый воин Родион Босой, служивший верой и правдой в пору царствования его дедушки.

Кажись, все я тебе растолковала, вот так действуй и не робей. Не за себя печешься, а за продолжение своего рода, это свято.

Погожие дни у нас сейчас стоят, посевная в самом разгаре. Мы, Слава Богу, уже управились. Хвораю я, можно сказать при смерти, а *рожь* посеяла. Хлеб будет к твоему возвращению.

Христом, Богом тебя прошу, Никитушка, к Богу обратись, и он тебя исцелит от душевных мук, соблюдай веру нашу, зелье не пей, на исповедь сходи к попу-батюшке и очистишься.

Сыночек мой единственный, солдатик, кровинушка моя, береги тебя Бог каждый день, каждый час. Аминь».

Окончив чтение, Никита рукавом кителя смахнул с глаз набежавшие слезы, закрыл ладонями лицо и как застыл за столом, его мысли летали в лесной далекой Сосновке, виделись ему сгорбленные мать с дедом. Он не услышал, как в хату вошел его командир Меншиков.

Александр Данилович сел на скамейку рядом с солдатом. А тот и бровью не повел, продолжал твердить шепотом молитву, ничего не слыша.

Меншиков не стал выводить солдата из задумчивости. Взял со стола листок бумаги и углубился в чтение. А, прочитав до конца письмо, встал со скамейки и сказал:

–Ты, Босой, спишь что ль или не в себе? Я пришел поговорить с тобой о завтрашнем сражении, а ты весь в молитвах. Пошел я.

Никита поднял голову, вскинул брови, вскочил, встал во фрунт.

–Здоровья желаю, Данилыч, прости, забылся, письмо вот получил тревожное: мать больная, дед плохой, тоже не жалец, домой зовут, ждут, не дождутся.

Меншиков ответил:

–Прочитал я. Бог даст завтра одолеем Карла и, живы останемся, обо всем поговорим. Слово тебе даю: это будет последнее наше с тобой сражение. Не раскисай. Лады?

Проводив командира до двери, Никита прошел в угол, взял в руки мушкет и стал осматривать его.

–Штык поточить надо маленько. Значит, все-таки завтра шведы будут нас штурмовать. Спасибо Данилычу, что предупредил, хоть сегодня помолюсь, может в последний раз в этой суматошной жизни. Господи прости меня грешного. С людьми я плохо схожусь. Отупел на войне, ожесточился, сам себе противен стал. А завтра опять стрелять, рубить, колоть. Не по своей воле, Господи, дай терпения, сохрани и помилуй.

А наутро Никита стоял в строю защитников крепости маленького украинского города Полтава. Укреплен он был земляным валом, дубовым частоколом и прорытым понизу рвом.

Шведы начали наступление рано утром. Большое войско двигалось к земляным валам, впереди и сзади которых были выкопаны глубокие рвы, защищающие подступы к русскому лагерю. Казалось, что эту вооруженную громадину никто и ничто не сможет остановить. Шли шведы ровными рядами, как на параде под барабанный бой *бок о бок* с заряженными мушкетами наперевес. Карл 12, *сидя* на носилках с перевязанной ногой, командовал началом атаки. Три месяца он топтался с войском у стен Полтавы не в силах что-либо сделать. Сам участвовал в рейдах по русским тылам. В одной из стычек с русским казачьим дозором его ранили в ногу. Он любил славу больше всего на свете и часто бывал безрассуден. Вот и в то утро король не сомневался в победе. В Европе тогда его армия считалась самой сильной и непобедимой.

Никита Босой стоял в первом ряду защитников крепости, смотрел на ряды приближающихся шведов, по привычке про себя, твердил молитву и думал об исходе этой судьбоносной битвы. Знал он, что враг хорошо вооружен и обучен ратному делу. Русские не один раз шведам задницу показывали отступая. Но и знал Никита, что русская армия, защищающая эту небольшую крепость тоже не лыком шита, вооружена по-современному и солдаты обучены, как надо. Сам Никита в обучении солдат ближнему бою принимал непосредственное участие. Целый год Меншиков возил его по полкам для показательных баталий. И его труд наставника должен сказаться в этой битве.

«Только бы уцелеть от прицельных выстрелов, а там еще посмотрим кто кого».

Надеялся Босой на рядом стоящих сослуживцев, что они не дрогнут в бою, сам он их подбирал для штурмового отряда Меншикова. Да и сам князь рядом с ним. Тот за генеральские погоны будет сражаться как лев.

«Ну а я за Россию матушку. Где наша не пропадала».

Вроде бы солдат должен привыкнуть за долгие годы войн к страху перед сражением, а когда вот увидел дула мушкетов, нацеленные на него, и озноб его прошиб, точно первый раз глазами смерть увидел. Поджилки у Никиты затряслись, зуб на зуб не попадет. Видел он, что и у других солдат от страха пот выступил на лбу. Желая приободрить себя и рядом стоящих друзей, он тихо сказал:

–Братцы, два раза не умирать, а одной смерти не миновать, ура!

–Ура!!! – охотно закричали во всю глотку штурмовики Меншикова и дали залп по переднему строю шведов, который тут же сломался и бросился на обороняющихся русских.

Никита услышал, как мимо его ушей пролетели пули и увидел, выскочившего из рва, рослого шведа с мушкетом, из дула которого вилась струйка дыма.

«В меня стрелял, но промахнулся, голубчик. А я не промахнусь!».

Никита выстрелил в искаженное от страха лицо врага. Мертвый швед упал ему в ноги.

«Только бы не споткнуться, не упасть».

Слева и справа на Босого бросились тоже здоровенные детины, за ними из рва показался третий, а затем четвертый. И все на одного. Понял Никита, что шведам приказ такой дан смять богатыря. Одного Никиту шведы, может быть и одолели бы. Но не один был Никита, на выручку к нему бросились штурмовики. А сзади Босого хоронился сам Меншиков и стрелял по шведам из пистолетов, прицельно защищая своего «ангела-хранителя».

Первую атаку шведов штурмовики отбили малыми потерями, а потом с каждой последующей атакой ряды штурмовиков стали редеть. Солнышко высоко поднялось, а сражение все

продолжалось, не снижая накала. Никита, отбиваясь от напавших на него шведов, приглядывал и за своим подопечным. *Основная*, его задача была сберечь Меншикова. Он понимал, что отряду штурмовиков и ему самому без командира «крышка».

Меншиков сражался и командовал штурмовым отрядом умело и дерзко, вел свою стратегию боя и одновременно по приказам царя Петра осуществляя обманные маневры, цель которых была вводить противника в заблуждение. Особенно удалась задумка Меншикова сдать шведам редуты. Это произошло, когда шел уже четвертый час битвы, а войска шведов все сражались за редуты с северной стороны крепости, около леса, где насмерть стояли штурмовики Меншикова. Вдруг видит шведский король – отходят конные полки русских, и открывается путь к редутам. А штурмовой отряд Меншикова в панике стал отступать. Обрадовался Карл и дал приказ занять редуты.

Отступая с уцелевшим отрядом, Никита Босой с князем Меншиковым видели, как шведы за *ними* бросились бежать по узким проходам между редутами. Вся армия шведов, миновав редуты, двинулась в наступление в след русской коннице и отряда штурмовиков Меншикова. Тут-то и ударили пушки русских. Огонь был губителен для шведов, много их полегло. Это вдохновило русское войско все полки вышли из укреплений. Началась рукопашная схватка двух армий – шведской и русской.

Швед, русский – колет, рубит, режет.

Бой барабанный, крики, скрежет.

Гром пушек, топот, ржанье, стон,

И смерть, и ад со всех сторон.

/А. С. Пушкин/

Перелом битвы в пользу русских произошел, когда на поле боя появился царь Петр на белом коне со шпагой в руке, Никита Босой первым увидел государя и крикнул Меншикову:

–Данилыч, государь!

Князь Меншиков со всех ног бросился к царю Петру, Босой за Меншиковым, а за богатырем оставшиеся в живых штурмовики. И тут-то шведы дрогнули, попятились назад и стали отступать. Царь Петр, увлекшись вылазкой, выскочил вперед своей свиты, с его головы была сбита пулей треуголка. Под ним раненый конь вздыбился и от боли заржал. Grimаса до неузнаваемости исказила лицо государя. Он махал шпагой *и* орал:

–Виктория!

Но не был услышан царь Петр простыми солдатами. Многие из них не понимали, что кричит царь. Досадно стало и Босому, что государь не по-русски победу объявил и сам закрычал на все поле медвежьим басом:

–По-бе-да!

–Ура!!! Ответили солдаты богатырю звучно и раскатисто.

Никите не пришлось видеть счастливого конца знаменитого сражения. Силы у него *иссякли*. А может, случайный удар по голове получил и отключился.

Пришел он в себя, когда уже кругом горели костры. Солдаты около них пили водку, громко разговаривали, махая руками, хохотали до кашля и блевотины, а некоторые пели вразнобой каждый свою песню стараясь перекричать других. До него не было никому никакого дела.

Грустно стало богатырю, одиноко и во рту гадко, тошнота подступила к горлу.

«Однако пока жив, есть, пить надо». И заставил Никита себя идти к костру, к сослуживцам.

Около костра молодые солдаты уступили кулукуру место. Уселся Никита на конское седло, ноги вытянул, воды попросил умыться.

–А воды нет. Босой, есть только шампанское. Шампанским умывайся, кулугур, пей и шоколадом закусывай. Гуляем нынче, – ответил Никите солдат-первогодок с хитринкой в глазах.

Никита снял с пояса котелок, протянул его солдату и сказал:

–Лей шампанское, мне сейчас все равно, лишь бы было мокро. А откуда у вас столько добра взялось? Я смотрю у вас, и селедка есть, солонина, хлеб иноземный.

Солдат засмеялся и ответил:

–Пока ты спал, мы время не теряли. За речкой в овраге обоз Карла обнаружили, брошенный при поспешном отступлении.

–Понятно, сказал Никита. Сидя, он ополоснул иноземной шипучкой руки, лицо и не спеша, утерся холстиной.

Потом Босой размашисто перекрестился двумя перстами, допил шампанское, оставшееся в котелке, и, крикнув, сказал:

–Прими, Гослоди не за пьянство, а за лекарство.

Солдаты-первогодки, разинув рты, и со страхом смотрели на кулугура, как на святого. А тот хитренький курносый солдатик, который Никите шампанское предложил, улыбаясь, спросил:

–Проясни мне, богатырь, видел я тебя в рукопашном бою бледным как смерть, *мычал* ты как корова, командовал, со страху что ли?

Никита усмехнулся.

–Страх в бою нужен как воздух. Страх удешевляет силы, быстрее соображать заставляет, глядеть в оба Страх рождает мужество. Только трус не ведает страха, у него в бою глаза закрыты. Много я видел трусов в рукопашных схватках среди врагов, *и* среди своих. Трус гибнут первыми. Без страха не победишь. Вот так, курносый, учись на себя страх нагонять, и будешь героем.

Солдаты у костра захохотали, а солдатик курносый притих. Крыть ему было нечем.

Гуляло русское войско всю ночь. А наутро все полки собрались на площади в крепости. Царь Петр без головного убора, в кумачовой рубахе, подпоясанной по-русски шелковым поясом с длинными разноцветными кистями, стоял около бочки с вином *и* награждал подарками и кружкой вина, отличившихся во вчерашней баталии, солдат и офицеров.

Ждал и Никита своего вызова к государю, но не дождался. И не придал большого значения этому недоразумению, подумал, что про него просто забыли, потом вспомнят. А осадок в душе солдата остался. Если забыли о нем, то значит и забыли о штурмовом отряде, завоевавшем победу. Гвардейцы отряда Меншикова насмерть стояли в обороне и погибли. Один Никита живой остался из рядового состава.

Выяснилось все, когда Никита попрощался со своими сослуживцами у братской могилы из отряда штурмовиков. В конце панихиды Меншиков подошел к Босому с недовольным видом и сказал:

–Дурак, ты! Разевался вчера на все поле, расхвастался. Крамолу *кто-то углядел* в твоём крике и доложил государю. Еле успокоил я его. Вместо золотых плаха тебе светила. И Никите стало все понятно. Он вспомнил незнакомого офицера, проходившего на поле боя мимо него, и подумал:

«Это тот самый, гад!». А Меншикову ответил:

–Я, Данилыч, переживу. Ты сам стерегись. Видел я на поле офицера с косым *рылом* – не иначе, как лазутчик. Все около тебя крутился. Увидеть его надо, разузнать, что за тип. Упредить!

–Разберемся! – со злом ответил Меншиков. – А ты сам дурь не пори. У меня что? Кроме как за тобой глядеть, и дел нет?

У Никиты панихида из головы не выходила, а тут еще Меншиков со своей кляузой. Босому совсем муторно стало и одиноко. Захотелось ему все бросить и уйти, куда глаза глядят. Но привычка к исполнению своего долга и совесть солдатская постоянно удерживали его от необдуманных поступков.

«Эх, мама, родненькая!» – вздохнул солдат.

Через неделю Преображенский полк был перебазирован на отдых под новый строящийся город Санкт-Петербург. Солдат поселили на берегу озера в только что построенную казарму. Рядом были и столовая, и баня. Никите понравилось на новом месте: кормили хорошо, разрешали купаться в озере, рыбачить.

В субботу, не сказав Никите ничего, после бани повезли его в город в карете Меншикова. Кучер оказался незнакомым и неразговорчивым. За дорогу Никита и не выяснил, зачем вызвал его Генерал-губернатор Санкт-Петербурга.

Меншиков его ждал. Когда солдат вошел в просторный кабинет с зеркалами во всю стену, стеснительным себя почувствовал в необычной обстановке, боялся наследить ботфортами на ковровой дорожке. Но потом на все махнул рукой, встал во фрунт и доложил:

– Ваше превосходительство, гренадер Босой прибыл в ваше распоряжение!

Меншиков в генеральской форме, отутюженный и напомаженный, красавец в рыжем парике встал из-за стола и протянул богатырю длинную худую ладонь.

– Здравствуй, Босой! Рад видеть тебя живым и здоровым. Смотрю – постригся, румяным стал.

Никита осторожно пожал генеральскую ладонь и ответил:

– Спасибо! Живу без забот. Кормят хорошо. По берегу озера гуляю. Бредешком с солдатами рыбу ловлю. Приезжайте к нам. На воде уху сварганим.

– Нет Босой, царь не отпускает. Мы с ним все воюем здесь, с дипломатами. Я тебя вызвал вот по какому поводу: помощник мне нужен на стройке нового города, свой человек, деловой, непьющий. Может, возглавишь бригаду военных строителей, оклад тебе дам генеральский, жилье, женим тебя здесь. Есть у меня на примете молодая кулугурочка при богатых родителях, с косой и томными глазами, заневестилась красавица. Государя сватом пошлем. Царю не откажут. Деньги будешь большие получать, почет, уважение. Мать с дедом из леса к себе заберешь. И у меня на стройке будет свой человек. Как, по рукам? Конечно, отпуск тебе сразу дадим, домой съездишь, с родными свидишься, посоветуешься.

Никита нахмурился, почесал в затылке и ответил:

– Нет, Данилыч, сей отпуск мне ни к чему, война идет. Дома мне нельзя появляться на короткое время. Мать и дед не выдержат вторичных проводов. Умереть могут от горя. Сюда тоже жить не поедут: сыро здесь и холодно. И благословения на женитьбу не дадут. Меншиков занервничал.

– Какого же рожна тебе- надо?

– Отставку мне давайте, генерал, без всяких должностей. В лес отпустите насовсем. Да вы сами войдите в мое положение. Сколько мне лет уже? Ровесник ведь я государю. Мама сказывала, что в одном году мы с ним родились и в один день. Царь вон, своего добился. Окно в Европу прорубил и генералом стал. А у меня богатырский род того... На грани исчезновения мой род. Последний я в роду и трудно ручаться, что у меня после стольких лет службы еще дети будут.

На лице светлейшего появилась озабоченность.

– Эх, Босой, что ты за человек, упрямый как бык. Вишь ли отпуск его не устраивает, отставку ему подавай. Отпущу, а что государь на это скажет, и кто ему новую штурмовую команду готовить будет. Тебе что у нас плохо? Все льготы тебе. Давно бы завел себе бабу, народила бы она тебе кучу потомства и проблем у рода никаких.

–Все не так просто, Данилыч. Вот вы сказывали, что царь тараканов боится, а я вот грязных баб. Таким меня воспитали. Не на суде я, не в чем мне оправдываться. Отпускайте говорю, в отставку. Не отпустите – сбегу.

Меншиков по столу кулаком стукнул и тоже зло ответил:

–До побега мы договорились. Я к нему с предложениями. Судьбу его хочу устроить, а он бежать собирается. Да, беги! И догонять тебя не будем. Только помни, что без льгот останешься. Без отставного жалования. И беглым будешь числиться.

Светлейший умолк, откинулся на высокую спинку кресла, взял в ладонь дымящуюся трубку, затянулся и выпустил дым из ноздрей.

Никита стоял около стола бледный и удреченный.

–Данилыч, пойми, не о себе я пекусь. Мама хвора, домой меня зовет. Сердце кровью обливается, как маму жалко. Деду уже больше ста лет – плохой. Перед предками я в долгу. И царь должен совесть иметь. Мыслимо ли солдата бессрочно на службе держать до погибели? Все, с кем я службу начинал, в потешной в земле лежат. И мне по-хорошему отставки не дожидаться...

И тут неожиданно для солдата генерал-губернатор вскочил с кресла, вытянулся во фрунт, трубка выпала у него изо рта, лицо стало бледным и губы прошептали:

–Мин херц!

–Никита оглянулся и увидел около зеркальной стены, стоящего с пистолетом в руке, царя Петра. Непонятно было Босому, как государь в кабинете очутился.

«Эка государь озадачил, неужто для него антихриста стены прозрачны?».

У Никиты возникло желание перекреститься. Он поднял руку, но тут же передумал. Так остался стоять с поднятой рукой.

–Хороши вояки, оба в портки наложили, – сказал царь Петр и прошел к столу, – дай-ка огоньку прикурить, вольно!

Меншиков засуетился, шаря по карманам.

–Совсем растерялся, князь! – сказал царь Петр и рассмеялся, – да вон твоя железка на столе, перед носом!

Светлейший трясущимися руками схватил огниво, *трут* с кремнем и стал высекать искру, ударяя железкой то по острой грани кремня, то по пальцам. Наконец-то трут задымил и Меншиков сказал:

–Мин Херц, ты как из зеркала вышел! В себя не войду. А пистолет зачем?

Царь Петр взял у князя из рук тлеющий трут, раскурил трубку и только после хорошей затяжки ответил:

–Признаюсь, побоялся твоего ангела-хранителя: вдруг бросится с перепугу на меня. Он же мастер рукопашного боя. Вишь руку держит на взводе.

Никита опустил руку и засмеялся. Царь Петр, попыхивая трубкой, стал ходить по кабинету. Меншиков махнул рукой Никите, чтобы тот вышел. А государь перехватил жест и сказал:

–Продолжайте разговор, я не помешаю. Интересно вы говорили, про совесть царя, продолжайте, продолжайте.

Меншиков облегченно вздохнул, поднял с пола свою трубку.

–Мин Херц, отставку просит Босой. Причина у него уважительная.

–Слышал я все, – перебил Меншикова царь, – последний он в роду, таких, и на службу не должны были брать. Ворон ловят чиновники у нас, а не службу несут. Обновить надо указ о воинской повинности.

Никита с надеждой глянул на царя. Государь улыбнулся ему и сказал:

–Спасибо тебе солдат за верную службу. Доносили мне на днях, на тебя, да я разобрался. Некто пытались вас с Алексашкой обоих моими руками убрать, но высоко замахнулись.

Государь подошел к столу, взял в руки звонок и позвонил. В кабинет тут же вошел офицер, увидев Царя, он замигал глазами, но не растерялся и бойко доложил:

–Дежурный по приказу поручик Федоров, государь, что прикажете?

Царь сказал дежурному:

–Распорядитесь, чтобы сюда доставили бочонок старого меда, шампанского, три жареных гуся и вареного картофеля, действуйте?

–Хорошо, государь, я мигом!

Поручик вышел. Меншиков стал убирать свои бумаги со стола, А государь обратился к Никите:

–Ну что, кулугур, будешь мед пить?

–А за что?

–За твою отставку.

–За отставку буду.

–Алексашка, слышишь? За отставку он будет пить!

–Государь с Меншиковым переглянулись и расхохотались. А Босой помалкивал.

Всему бывает конец и царской службе тоже. Проводил Преображенский полк Никиту Босого домой. Ехал Никита на коне, которого сослуживцы на свои деньги купили ему в подарок с кованой уздечкой и высоким боевым седлом, ехал и думал: «Есть Бог».

Далек путь от Невы до средней Волги, но дорога домой не в тягость. Много дней и ночей добирался отставной солдат до своих дремучих лесов. По плохим дорогам конь обезножил. Оставил его Никита на попечение одиноким старикам под Симбирском, А другого коня не стал покупать, решил, что в лесу сподручнее идти пешком.

И вот уже шагает Никита неторопливо по знакомому кособокому берегу речки Темрязанка заросшему ивой, ольхой и крапивой. Саму речку не видно, слышно ее журчание.

Скоро появится на горизонте плешь Лысой горы из-под которой она вытекает. Там и родное село Сосновка в котором ждут не дождутся со службы: его мама, дед и невеста.

Приятно идти по знакомым с детства местам. Не так далеко от сюда, здесь в низине, есть живописное место старица, названная Черной речкой, любимое место отдыха всей округи. И солдату Никите вспомнилась эта Черная речка в пути, как он в этой старице мальчишкой с друзьями – пацанами их села ловил бреднем большущих щук, вьюнов и налимов. На высоком берегу, на ветерке, где было меньше комаров, ребяшня варила вкуснейшую уху. Перед сном у костра рассказывали друг другу сказки про леших, про хвостатых русалок. Такое всегда запоминается надолго.

Никита шел в лаптях, солдатские ботфорты за спиной нес. Берег он их. Дома будет обуывать по праздникам. Привычен солдат к походам, а умаялся, и жажда мучила все больше и больше. Но пить теплую речную воду не хотелось. Он все родник высматривал. И вот он под бугром среди берез. На одной из которых был вырублен староверский крест.

–Наш крест кулугурский! – громко сказал Никита и лицо его засветилось, как при встрече с хорошим человеком.

Сбросил солдат ношу с натруженных плеч на рядом лежащую плаху, перекрестился двумя перстами и приблизился к роднику, интересуясь его сооружением.

Песчаное дно лесного зеркала колыхалось, как живое, пропуская через себя звенящую от чистоты воду, которая скапливалась в нише плотно выложенной крупным гранитным камнем, и стекала по дубовому желобу в ложбину, заросшую осокой, и дальше в озеро.

Никита с волнением взялся за ручку ковша, висевшего на сучке березы. Осторожно, чтобы не поднять песок со дна, наполнил он берестяную посудинку, сел на каменную стенку родника, перекрестился, сделал первый глоток, еще, и еще.... Вода плескалась ему на лицо, текла по бороде, лилась за воротник.... Никита смеялся, радуясь живительной прохладе. Напившись, он с благоговением смотрел в зеркало родника, стараясь постичь тайну рождения этого

лесного чуда, смотрел долго и не мог оторвать зачарованного взгляда от такого расточительного изобилия. «Бог щедр». С молитвой зачерпнул Никита еще один ковш воды, распрямился во весь богатырский рост, и пил уже маленькими глотками, наслаждаясь и осматриваясь вокруг. Помолодел богатырь от живой воды, показалось, что и лес вокруг весело помолодел, даже солнце, вроде бы ярче заиграло.... Щебетали на березах птицы, гудели в далеком бору верхушки столетних сосен, плескалась рыба в озере. Кукушка пророчила ему долгие годы, крупные, белые ромашки кивали ему головами, улыбались позолоченные цветки зверобоя, голубые цветочки приглашали отведать сочной медуницы, воздушные шарики одуванчиков, разросшиеся на поляне сплошным ковром, призывали прилечь, отдохнуть, а над всем этим разнотравьем порхали нарядные бабочки, хлопотливо кружились пчелы, ветерок с поляны доносил запах душицы и меда....

—Красота-то какая, как у деда на пасеке. И откуда здесь столько пчел? Посмотреть надо! — Думал Никита, вновь собираясь в дорогу.

Чуть приметная тропинка повела его в сосновый бор к шалашу, покрытому камышом. Солдат приоткрыл плетеный из липовых дранок полог и заглянул внутрь. В шалаше было просторно и уютно, на стенах висели березовые веники, пучки зверобоя, чабреца и мяты. Посередине стоял грубо сколоченный из липовых плах стол. Около стенки на полу была устроена лежанка из толстых сосновых жердей, выстланная игольником вперемежку с полынью и застланная старой дерюгой. У входа стоял закопченный котел, а рядом лежали трут, огниво и камень. Около дальней стенки на перекладине висел холщовый мешочек с сухарями, а ниже на полке стояла старая плетеная корзина, доверху наполненная сухими пчелиными сотами. Вверху, в камышовой крыше жужжали трудолюбивые шмели. Воздух был насыщен на травах и меде.

«Хорош шалаш, в непогоду укроет, от голодного зверя защитит».

Никита снял с потолка мешочек, нащупал маленький сухарик и положил в рот. Вкус ржаного хлеба напомнил ему о доме. Мысль, что он завтра будет дома, радовала его.

После сухарика Никита ощутил голод. Он расстелил на столе холстину и выложил на нее из сумки продукты, какие остались от утренней трапезы: краюху хлеба, кусок жареной баранины, очищенную луковицу. Откусывая от того и другого понемногу, солдат не торопясь, жевал, продляя удовольствие.

Снаружи шалаша послышался шорох и повизгивание, как вроде бы собака скребла полог. Никита с кусками в руках поднялся из-за стола, выглянул наружу и увидел около шалаша огромного худого волка с ободранными боками. Волк отскочил шага на четыре и остался стоять на тропе, его взгляд был жалкий, просящий, как у старой дворняги.

Никита сначала испугался, а потом понял, что перед ним старый немогущий волк, которому уже не под силу живая добыча, вот и канючит у шалаша, подачку ждет. Видимо он и раньше не один раз приходил к шалашу за подачками, может даже живет здесь на пару с хозяином шалаша. Никита заинтересовался поведением волка, ему понравился его собачий взгляд без тревоги и зла и он бросил волку оставшийся поджаристый кусок баранины.

—Лопай зверюга и гуляй отсюда!

Волк схватил налету подачку и не жуя, сглотнул.

—Во циркач, насобачился куски налету хватать, приученный видать.

Никита продолжал смотреть в глаза волка, а тот, облизываясь, смотрел с не меньшим интересом на человека.

—Не наелся?

—Спросил солдат волка и бросил ему оставшийся кусок хлеба.

Волк поймал пастью хлеб и вытянув поленом хвост, развернулся и нырнул в густой орешник.

Только солдат проводил взглядом сбежавшего старого волка, как перед ним почти у самых ног объявилась пушистая белочка. Она смело села на тропу, опершись на свой красный хвост. И выставив грациозно напоказ свою белую грудку, посмотрела на солдата большими глазами, наострив ушки.

–А тебе, красавица, тоже гостинец требуется? Что же тебе дать? Может сухарик? Сейчас дам!

Никита протянул руку к перекладине, пальцами *и через* проруху вытащил из мешочка большой сухарь и положил его на тропу перед очаровательной гостьей. Белка в мгновение ока схватила цепкими лапками сухарь, сунула в рот, показав острые зубки, и припустилась по стволу высокой сосны вверх к дуплу.

–Деткам понесла, – засмеялся Никита, – им, конечно, пить дать. Мать – есть мать.

Развеселили солдата волк с белкой, навели на мысль о хозяине этого уютного шалаша.

«Что же за старец-кудесник живет здесь в лесу, в безлюдном урочище? Волк старый и немощный к нему запросто обедать ходит, рядом с ним над шалашом белка с бельчатами в дупле живет. И его ружья не боится. А может здесь в Колдыбани мой дед промышляет?...».

Никита задумался, вспомнил и мать, потом прилег на лежанку и уснул, но спать ему не дали комары. Налетело их в шалаш тьма. Солдат, чертыхаясь и махая руками, вышел из шалаша и пошел к краю леса на ветерок. Усевшись на поваленную бурей сосну, он стал любоваться видом, открывшимся с бугра.

Вечерело над долиной. За дальним лесом догорала вечерняя заря. По широкой пойме говорливой речки покрывалом стлался туман. Местность солдату понравилась. Все здесь было для жизни человеку охочему до работы. По косоугору проглядывались большие поляны с черной плодородной землей. До самого горизонта виделся лес с непуганным зверьем. Вдоль речки зеленели луга, кусты смородины, калины. В бору вокруг болот спела черника, костяника, брусника. А в тени трех берез бьет ключом живой родник с целебной водой. И тут же под бугром чистое озеро с крупной рыбой, рыбаць, не ленись.

–Здесь рай-то божий, – сказал вслух Никита и засмеялся, от пришедшей на ум мысли, – возьму да поселюсь здесь! Срублю избу и заживу, как мечталось, грезилось!

В лесу быстро темнело. Погода портилась. Небо заволокло тучами. Похоже было, что дождь будет. А пока было тихо.

По ту сторону речки стали сверкать молнии, свежестью потянуло оттуда. В низине завыл хриплым воем старый волк. Филин ухнул в бору. Сухой сук треснул на дереве. Набежал ветерок, стало прохладно и одиноко, на душе как-то беспокойно стало у солдата. А впереди ночь-матушка в диком урочище, в самом центре Берендеева царства. Никита вспомнил, что костер можно разжечь. Дрова он с вечера около шалаша приметил. Их там столько, что на всю ночь греться хватит, да еще и останутся для других путников.

Солдат на ощупь чиркнул два раза огнем по острому краю кремня – искры взлетели до бороды, завонял трут, листочки бересты вспыхнули пламенем, игольник подожгли. Побегал огонь из рук солдата по сухим сучьям, по стволам валежника. Разгорелся большой костер и пошло полыхать жаркое малиновое, колдовское пламя, которое издревле жило с человеком, охраняло его от диких зверей, помогало людям коротать длинные холодные ночи, рисовало им картины прошлого, вещало будущее.

Около шалаша стало светло и тепло. Комары поднялись высоко вверх. Тени и призраки попрятались за деревья. Смолкие сучья потрескивали мушкетными выстрелами. Солдат смотрел, как плавилась в огне добела раскаленные угли. Его бородатое лицо, обезображенное шрамами, подергивалось судорогами. Грустно было ему, одиноко. Своего друга Федора Громова – покойного он вспомнил.

Первая дружба, как первая *любовь* - не забывается.

«Эх, друг, не хватать мне будет тебя всю оставшуюся жизнь»

И только солдат подумал, как из темноты к костру бесшумно вышел солдат в форме Преображенского полка лицом похожий на Федора Громова, молча кивнул головой Никите в знак приветствия и сел рядом с ним, положив руки на колени, как делал всегда. Понял Никита, что это призрак Федора и у него со страху треуголка зашевелилась на голове, язык отнялся, по спине мурашки поползли. Хотел он перекреститься, но рукой шевельнуть не мог.

«Не сотвори себе кумира...» – вспомнил солдат, предостерегающие слова из библии и попытался расслабиться, побороть в себе страх.

«Господи, помилуй. Господи помилуй. Господи помилуй» – прошептал про себя Никита, а потом, перекрестившись, вслух сказал призраку, глядя прямо тому в глаза:

–Дома я теперь, друг, спасибо, что проводил меня, теперь прощай!

Лицо призрака исказила гримаса печали, глаза повлажнели и глянули на Никиту с укором. Жалко солдату стало друга. Руки протянул он к нему, хотел обнять, как бывало живого, но наткнулся на пустое место.

Вздрыгнув, Никита очнулся, встал, загасил остатки костра и полез в шалаш, стараясь не думать о пригрезившемся. Чтобы не донимали комары, он закрылся солдатским кафтаном.

Уснул Никита сразу же, как куда-то провалился и стал ему сниться другой сон. Вроде бы было утро. Шел он к роднику умыться. А у родника под березой стоит его мать нарядная, но какая-то неживая, прозрачная и молодая. Не испугался солдат, только остановился на тропе и стал ждать, что та ему скажет. А мать протянула руки вперед и заговорила грудным голосом с печалью:

–Здравствуй, Никитушка-кровинушка моя! Мать я твоя, только бестелесная. Сокол мой, очень долго ты служил, извелась я от тоски по тебе и умерла. Душа моя встречает тебя, потому прозрачной гляжусь. Ждала я тебя здесь у живого родника. Больно хотелось вперед всех тебя увидеть и слово тебе ласковое сказать. Вот увидела тебя и говорю: могучий ты стал да ладный, в деда пошел, значит, тоже долго будешь жить. Ему сейчас больше ста лет, а он еще не сдается, с хозяйством управляется. В свободное время сюда в Колдыбань на гнедом мерине ездит. С пчелами он возится здесь в бору. Это его шалаш и колоды с пчелами им на сосны повешены, штук сорок их тут. Дед тебя со службы ждет, для тебя старается. Последний ты у нас в роду. Но ты не унывай. В твоём роду мужики-богатыри до сорока лет росли и до ста лет от них бабы рожали. И твоя жизнь еще впереди. Слышь, Никитка, обязательно, чтобы у тебя *сын* был, внуки. В твоих потомках наше возрождение. Прощай, дитяtko мое, солнышко! Живи долго! Дома тебя мой подарок ждет!

Лицо матери заколыхалось и стало таять. Никита спохватился, руки протянул к матери и закричал:

–Мама, не уходи!

Но было уже поздно. Мать растворилась в воздухе. От своего крика и проснулся солдат. Поняв, что это был с ним опять сон, он стал приходить в себя, твердя молитву и, *успокоившись* поднялся с лежанки и вышел из шалаша.

В бору было уже светло. Крупная роса выпала на траве и кустах подлеска. Никита понял, что ему до схода росы о продолжении пути и думать нечего: версту не пройдет, а вымокнет до нитки. Ночной сон не выходил у него из головы. Желание появилось у солдата лес посмотреть, как будто кто его в спину толкал в бор. Никита не стал противиться странному желанию и пошел по кособору в сосновую рощу размышляя.

«Пройтись надо по сосняку, а вдруг и вправду здесь дед Родион колоды с пчелами повешал».

Пройдя шагов сто по старому редколесью, Никита издали увидел на одной высокой сосне что-то привязанное, наподобие колоды. Он подбежал ближе к сосне, и его сомнения рассеялись. К сучку сосны на большой высоте мочальной веревкой была привязана долбленка с пчелами.

–Господи, Иисусе Христе! – запричитал Никита, – похоже, это одна из сорока колод, про которые мне мама во сне вещала. Мама, родненькая? Неужто это правда, что ты умерла, и я тебя больше не увижу. Не хочу этому верить. Желаю тебя живой увидеть. И думать о плохом не хочу. Мало ли кто здесь долбленку повесил, не один мой дед пчелами промышляет. Что это за наваждение нашло на меня здесь? Не Колдыбанский ли леший подсмеивается надо мной? За нос водит. Уходить отсюда надо. С ума может свести нечистая сила. Вертаться скорее.

Когда Никита возвращался к шалашу, около оврага на открытом месте напал на стаю молоденьких рыжиков. Росли они в густой зеленой траве, чистые и сочные, как молочные. Такие рыжики Никита мальчишкой ел сырые, особенно они ему нравились присоленные.

Солдат опустил на колени и стал осторожно вытаскивать из травы оранжевые мясистые тарелочки, складывая их в одну кучу.

Увлечся рыжиками Никита и мрачные слова забыл. Ползает по траве и радуется, причитая:

–Рыженькие вы мои, сладенькие. Господи, уродилось то вас сколько, что мне с вами теперь делать? Как домой донести? Мама жареные рыжики любит. Гостинцем желанным вы ей будете.

Рыжиков насобирал Никита фунтов десять. Часть грибов сложил в багаж, а часть отложил для приготовления завтрака.

За долгую дорогу солдату надоела сухомятка, и он решил суп сварить грибной. Суп из рыжиков с сухарями удался на славу. Никита хлебал грибное варево солдатской ложкой, да приговаривал:

–Вкусно, ядрена палка!

Летом солнце начинает быстро пригревать, скоро роса сошла. Никита переобулся, умыл руки, перекрестился, *попил* на дорожку лесной водицы и побежал вдоль речки по косоугору домой. Через час-другой на горизонте показалась песчаная плешь Лысой горы, у подножия которой и приткнулось село Сосновка, откуда много лет назад увезли Никиту на службу.

«Вот я и дома, – подумал солдат и прибавил шаг. Тропа вывела его на наезженную дорогу, которая тут же спустилась в овраг.

Сумрачно было в овраге, прохладно. Солдат перешагнул узкий журчащий громко ручеек и остановился перед старой сосной, на стволе которой в рост человека был вырублен староверский крест.

Поклажу сбросил Никита на землю, снял с головы солдатскую шляпу, прижал ее к животу и размашисто перекрестился.

–Господи, Иисусе Христе, царствие небесное тебе, отец, и вечного покоя твоей душе. Вот я и вернулся с войны, со службы, слава Богу, здоровым. Помогал ты мне невидимо в ратном деле, теперь помоги здесь дома крестьянствовать.

Постоял Никита около старой сосны, перекрестился еще раз, поклажу взвалил на плечи и бегом побежал по тропинке на бугор. За оврагом начинался край села.

Вот и отчий дом. Глянул отставной солдат на окна с замшелыми наличниками, и радуга заиграла у него на ресницах. Соломенная крыша дома, заметно потемневшая, за долгие годы службы, закачалась. Казалось высокое крыльцо, проросшее мхом вот, вот развалится. Только стог сена великаном стоял на задах, как и много лет назад, суля семейный достаток.

Сердце у Никиты забилося сильнее, в ушах зазвенело, рот открылся от уха до уха, и вырвалось из глубины души солдата:

–Экая благодать попасть домой после службы на чужбине. Как не быть благодарным Богу за такое счастье. Маму сейчас увижу! Родненькая моя, чуешь ли ты, что стою около двора?

Солдат пробежал огородом во двор, зашел *в избу*, остановился около порога, сбросил с себя груз на лавку и осмотрелся в полутьме.

В избе было чисто прибрано, пахло душицей и медом. В переднем углу темные образа были по-праздничному завешаны чистыми, расшитыми петухами, полотенцами, пол устлан пестрыми половиками. Все было как в детстве, ничего не изменилось. Радость переполняла солдата. Много лет он ждал этого момента.

–Кто дома есть? – проговорил Никита сиплым от волнения голосом и закашлялся, в горле у него запершило. Желал солдат скорее мать увидеть, прижать ее к груди старенькую. Какая она теперь? Никита помнит ее молодой, красивой.

Из чулана вышла девка в длинном холщовом сарафане. На ее голове была повязана темная косынка. Никите показалось, что стоит перед ним Огашка-Сирота, плотная телом и все такая же неотразимая.

–Что ты в нашем доме делаешь, ворожея, мама где?

–Обознались вы, мил человек, не ворожея я, а Марфа.

–Марфа?... – Никита вспомнил письмо матери, полученное им на первом году службы, в котором она писала, что ей на порог подкинули годовалую девочку. Мать ее назвала Марфой, так у себя и оставила. – Ишь ты, какая выросла, остроглазая! А кто тебе Огашка-Сирота? Сестра? Мать?

–Никто.

–Сомнительно! Сходство поразительное. Я аж остолбенел.

–Не я на нее похожа, а она на меня. Разной мы с ней веры. Так мне мама сказала. До ворожеи у меня дела нет!

–Вот как?

Никита откашлялся в кулак.

«С характером девка. Круче Огашки-Сироты».

Солдат снял с головы треуголку, поклонился и представился:

–Никита я, гордая красавица, мама где?

Марфа растерялась, зеленые глаза ее забегали, щеки зарумянились. Она пристальнее взгляделась в рослого гренадера и поклонилась в пояс.

–Проходите, хозяин, за стол садитесь, поесть я вам соберу, – сказала Марфа, опустив голову, и поспешно скрылась за занавеской.

В чулане загремела заслонка печи. По избе пошел дух постных щей, запахло вареным горохом, толченым конопляным семенем.

«Беда-то стряслась, какая. Мама родненькая...».

Солдат, шатаясь, прошел вперед, сел под иконами, руки положил на стол, а на руки несчастную голову. Плечи его затряслись, а из груди вырвался стон.

Марфа вышла из чулана со щами и кашей, увидев плачущего Никиту, застыла от удивления. Придя в себя, она поставила глиняные чашки на стол, прикрылась подолом и тоже заплакала навзрыд.

Не знала Марфа ни родную мать, ни отца. Лапушку Груню Босую считала своей мамой, мать солдата, которого по военному времени ни разу не отпустили на побывку.

Много лет собирались Марфа с приемной матерью на свиданку с солдатом, но его письма приходили из разных мест и толком они не знали куда ехать. Так и не сбылась их мечта. А потом лапушка Груня занедужилась, совсем захворала, умирать собралась. И на смертном одре она заказала Марфе солдата ждать.

–Дождусь, мама! – пообещала Марфа.

–Спасибо, дочка, послушница моя и отрада. Только и жила я эти годы ради тебя. Только вот сомневаться сейчас перед кончиной стала. Да и в самом деле надо ли ждать тебе его? Ты такая молоденькая, а ему под сорок уже, четвертый десяток разменял. И не знай, еще какой вернется, может калекой? Всю его службу царь воюет.

Какой будет, такого и любить буду! Вот крест! Ответила Марфа, целуя мать.

Обоих мне вас жалко, о вас у меня забота. Хотелось бы увидеть мне вас рядом здоровыми, счастья я вам желаю, дочка, вам обоим.

Марфа видела, как тело матери под одеялом зашевелилось, а голова успокоилась. Никита смотрел на рыдающую девушку, и голова его опять упала на скрещенные руки.

Марфа вышла в сенцы и вернулась с большой деревянной кружкой полной медовой настойки и, подойдя к столу, сказала солдату:

Мама готовила настойку к вашему возвращению, выпейте хозяин, легче станет.

Никита поднял голову, взял из рук Марфы кружку.

Пусть маме земля станет пухом, – сказал он и стал пить настойку большими глотками. Рука его дрожала, и медовуха плескалась из кружки ему на бороду. Холодная была настойка, ядреная, хмельная, пилась легко, а в груди огонь зажгла, до живота дошла, в голове зашумело. Вспомнился Никите ночной сон, длинная речь матери.

Выпив кружку до дна, солдат крикнул, улыбнулся девушке и поставил пустую кружку на стол.

–Благодарствую, Марфуша, как тебя величать по батюшке, красота неописанная?

–Не знаю я своего родителя, – ответила девушка, смутившись, и подала полотенце со словами, – вытри бороду, хозяин, на маму ты похож глазами, счастливый будешь, ждала она тебя с самой пасхи, все деньки считала, а на троицу, как с огородом управилась, слегла.

–Марфа, снилась она мне нынче ночью в Колдыбани, наказала долго жить, жениться, и чтоб обязательно сын был, внуки, чтоб род продолжить. Выходи замуж за меня, Марфа, а?

–Как скажешь, хозяин, – тихо ответила Марфа и поклонилась Никите в пояс, потом выпрямилась, смело посмотрела ему в глаза и заулыбалась искренне.

Солдату показалось, что от Марфиной улыбки в его старой избе светлее стало, как будто в нее солнышко заглянуло.

Никита тоже заулыбался, рот растянулся у него до ушей. Никогда он не чувствовал себя таким счастливым.

«Вот он, мамин подарок – Марфа».

Никита вспомнил и про свои подарки. Он схватил с лавки мешок и торопливо стал развязывать.

–Марфуша, у меня в мешке подарки, вот шелковый полушалок, заморский, маме я вез, теперь тебе носить, красивый, Марфушка, барыней в нем станешь.

Марфа взяла из рук Никиты яркий полушалок, красивым жестом набросила его на плечи, повернулась кругом и подошла к зеркалу. Никита тоже подошел к Марфе вплотную и обнял ее.

Марфе нравился нарядный полушалок и обнявший ее добрый Никита.

Дед Родион в шелковой розовой рубаше, подпоясанный разноцветным плетеным поясом с длинными кистями на концах и с пышно расчесанной по торжественному случаю бородой, встречал внука с хлебом, с солью у крыльца своей избы.

Никита в солдатском парадном кафтане, в высоких ботфортах и в новой шляпе-треуголке подошел к деду, обнял его и поцеловал три раза в губы. А затем поднял богатыря на вытянутые руки высоко, ровень с соломенной крышей дома.

Ребятишки, глазевшие из толпы, заорали от восхищения.

Вот силища! Богатырь богатыря поднял, как ребеночка.

Дед Родион прослезился от радости и гордости, глядя на долгожданного солдата. Только по синим глазам признал дед внука, так сильно изменился внешне Никита за многолетнюю службу.

Если бы дед увидел солдата случайно в другом месте, мог бы и не признать. Даже подумал бы как о чужом.

«Вот, мол, есть еще на Руси богатыри. А это свой, родненький!»

Вечером в доме Родиона Босого было полно народу. Родные, *сидели* за столами, пили медовуху, закусывали малосольными огурцами, пирогами с морковью, мясом.

Дед Родион поставил в сенцах для посторонних бочонок медовухи и бочонок свекольного кваса, и односельчане угощались сами, кто чего желал.

В тот же вечер дед заодно объявил перед всем народом помолвку Никиты с Марфой, которые сидели за столом под образами, как жених и невеста.

Марфа от счастья краснела, а Никита, глядя на нее тоже смущался. Глядеть солдата и счастливую Марфу, набежало все село. В избе народ не уместился. Толпа стояла на улице, у открытых окон.

Захмелевшие родственники стали петь песни, а чужие смотрели на жениха и невесту и на гуляющих через окна и даже стояли в избе около порога. Никто их не гнал из избы, смотреть разрешалось, которые посмелее, стояли прямо около стола. На печке было полно девок, они шушукались, и потихоньку хихикали.

На другой день стали одевать невесту, волосы причесали, косу переплели, на голову воздели высокий в виде города венец. Поверх венца покрыли невесту белым платком и усадили на тарантас рядом с женихом. Никита надел парадную солдатскую амуницию.

Кучер с красным бантом, пришитым к фуражке стегнул кнутом коренного и тройка, гремя бубенцами рванула из ворот, развернулась и пронеслась по центральной улице к церкви.

Свадьбу играли два дня. Гости, как положено часто кричали «горько», а Никита и Марфа целовались.

В разгар свадьбы среди зевак, глазевших на гулящих кулугуров, появился высокий и статный Васька Плешивый в новом, только что с иголочки зеленом мундире лесника с блестящими петлицами.

Сказывают, здесь угощают? – Спросил он молодого белобрысого парня, сидящего на бревне.

Парень вскочил, снял с головы валяную шляпу, прижал ее к груди и демонстративно поклонился.

Приветствую вас, господин лесной обходчик, не соизволите ли сесть на мое место, только осторожно, новый мундир не испачкайте, тут смола.

Рядом стоящие мужики и парни загоготали.

–Что ржете, дураки? Я же вас по-человечески спрашиваю!

–Василий Степанович, – вызвался пояснить Плешивому тот же парень-весельчак, – Родион Большой внука женит, угощает всех кто желает. Бочонок со старым медом в сенцах стоит, на нем и кружка.

–Уважь, принеси старшему обходчику,

–Монету давай, принесу.

Мужики еще громче загоготали.

Лесник занервничал, кулаки сжал.

–Неси, говорю, прощелыга. Припомню я твой зимний поруб.

–Уговорил, – сказал парень и побежал в сени.

Выпив кружку крепкого меда, Васька пошел к *окну* молодых смотреть.

Васька Плешивый улучил момент встретиться с солдатом и подошел к нему, когда тот вышел проветриться,

–Прими, Никита, мои поздравления с законным браком, – и, пожимая ладонь – лопату богатыря обоими руками, добавил, – не узнаешь чай меня, это и неудивительно, не общались мы с тобой в детстве, избегали встреч, а потом тебя на царскую службу увезли. А ведь мы одноклассники с тобой и осиротели в одночасье, еще на свет не родившись. Теперь узнал?

Никита нахмурился. Он понял, что этот щеголь в форме лесного обходчика сын разбойника Степана Грязного.

–Признал я тебя Василий Степанович. По мундиру ты человеком стал. Лесник в нашей Сосновке и раньше имел авторитет. Как это тебе удалось устроиться, помог кто?

–Долго рассказывать. Огашка-Сирота сейчас вращается в верхах, в лесном начальстве и меня пристроила. Справляюсь.

Никите нисколько не хотелось слушать хвальбу Плешивого и он перебил его:

–Короче, что ты хотел мне сказать?

–Не торопи меня. Вот о чем будет моя речь. Выросли мы из того возраста, чтобы продолжать родовую вражду, я за *мировую*. А ты как скажешь, так и будет. Я человек прямой, не люблю недомолвок.

Никита продолжал хмуриться. Не вовремя Васька подошел к нему с разговором при большем народе, но от ответа уваливать не стал.

–Вот что: другом быть я тебе не обещаю, но и не бойсь, мстить не буду, живи, как знаешь, только не попадайся под горячую руку. Я считаю, что сын за отца не ответчик.

Ваську удовлетворил такой ответ. Он обнял солдата за талию и вновь заговорил:

Не торопись гнать меня от себя, Босой. Я еще могу тебе пригодиться. Лес я охраняю в нашей округе. Но не лютую, за каждой сосенкой не гоняюсь, как другие лесники. Сам живу и даю жить другим. Вот будешь строиться, тоже ко мне пойдешь за лесом. Смело подходи. Молочные братья мы, что-нибудь сообразим.

Хорошо, ловлю тебя на слове. Строиться я буду в Колдыбани. Место я там облюбовал около холодного озера, рядом с живым родником.

У Васьки плешивого от удивления глаза округлились.

Постой, постой, что ты говоришь? Строиться будешь в Колдыбани? Это в безлюдном урочище? И что будешь строить? Омшаник или зимовье?

Усадьбу. Землю там раскорчую, распашу, крестьянствовать буду.

Для такой стройки надо уйма денег. Строевой лес сейчас дорогой, а тебе надо не одну сосну срубить и не две. И за землю с лесничеством всю жизнь не рассчитаешься.

Никита рассмеялся.

Распачусь. У меня на строевой лес и землю льготы есть, как отставному солдату.

Васька Плешивый еще больше удивился.

Льготы? Это значит задарма? Вот это да! Помещиком будешь!

Что ты понимаешь в льготах? Их задарма не дают. Они оплачены кровью, – Никита хлопнул тяжелой рукой по плечу и добавил, помещик-барин, бездельник, а я сам хочу усадьбу построить, сам землю распашу, и сам буду на ней работать, детей растить, жизни радоваться, свободе. Ну да ладно, разговорился я с тобой и про невесту забыл, еще украдут. Пошел я в избу. Солдата в сенях встретил дед и сказал ему с упреком:

Не по нутру мне твой разговор, внучек, с Плешивым. Слышал я, о чем вы толковали. Нашел перед кем душу открывать. Забыл что ли, что он тебе кровный враг? Да он теперь про твою Колдыбань на всю округу раззвонит. Язык у него – помело. Ехиднее Плешивого за всю длинную жизнь я мужика не видел. Завистливый, в Чирковых. Грязные – враги нашему роду. Обложили они нас. Ты, наверное заметил, что Марфа похожа на твою бывшую ухажерку Огашку-Сироту.

Да, заметил. А кто она ей? Сестра? Мать?

Ничего я об этом не ведаю. Про это твоя мать умалчивала, а я не приставак к ней с расспросами. Так и унесла эту тайну с собой в могилу. Значит, не надо было об этом никому знать. Она была мать, и ей было виднее. Но об этом до сих пор ходят пересуды. И Васька Плешивый решил признать Марфу сводной сестрой. Стал олух к Марфе приставать с родственными чувствами, деньги вымогать. Марфа с малых лет сторонилась Огашки-Сироты, а тем более Васьки Плешивого. И когда «братик» ей надоел до омерзения, она и влепила ему заряд крупной соли в зад. Целую неделю Огашка-Сирота кочедыком соль выковыривала. Смеху тогда было на все

село. Вот такой воспитала твоя мать Марфу, настоящей кулугуркой. Твоя мать была великого ума женщина. Царствие ей небесное. Бывало, приятно было с ней покалякать. Добрая была душа.

Никиту развеселил рассказ деда. Особенно понравилась соленая развязка Марфы с «родственничком».

Понятно мне теперь почему Васька Плешивый у меня перемирие запросил. Понял значит ухарь, что с нами лучше жить в мире.

Глава четвертая. Колдыбань изначальная

После свадьбы, как только гости разъехались, Никита подошел к деду с разговором. Тот, в то время лошадей поил в конюшне.

–Слушай, дед, завтра мы с Марфой выезжаем в Колдыбань. Нельзя нам время тратить. Осень быстро подкатит. Не успеем и оглянуться. Посоветуй что как.

Дед с удивлением глянул на внука, пустую бадейку на землю поставил.

–Ты о чем, внучек?

–Как это о чем? О стройке. Ты же слышал, что я собираюсь переезжать жить в Колдыбань.

Дед почесал в затылке, расчесал толстыми пальцами бороду.

–Вот ты о чем. А у меня со свадьбой это из головы выпало. Постой, постой, скорый ты очень, стройку обмозговать надо и не в один день, с родными переговорить, с плотниками. Одни мы с тобой до осени только зимовье можем построить и то без крыши.

Никита нахмурился.

–Вот и мозгуй советуйся с кем хочешь, а мы с Марфой завтра уже выезжаем. Мне ее не пришлось упрасивать. Она со мною согласна, куда хошь ехать, хоть на край света. Поедешь с нами?

Дед глубоко вздохнул.

–Постой, дай очухаться. Шутка ли, в лес ехать жить, усадьбу строить. Канитель твоя свалилась на меня, как воз сена, неожиданно, врасплох. Да что мне остается делать? Конечно, поеду. Тут я без тебя с ума сойду. Пока вам жизнь не устрою, не будет мне покою. Завтра – так завтра. Пойду собираться. Лукерью надо уведомить. Она еще ничего не знает. Вот удивиться. Будет мне от нее нагоняй. Ума не приложу, как это тебя угораздило надумать такое. Охо, хо... Годы мои, со счета я сбился, сколько лет живу кажись, давно за сто перевалило.

Дед поднял порожнюю бадейку и вышел из конюшни, кряхтя и охая.

Никите жалко стало деда.

«Зря я его канителю, он уже свое понастроил. А не братъ – обидится».

Выехали Босые туманным утром до восхода солнца на лошадях верхом. Все их узлы с мукой, с солью, с постелью, с плотницким инструментом и домашней утварью были притороченные к седлам.

Родион Большой ехал впереди молодых. Его гнедой каким-то чудом не сбивался с лесной тропы в густом, как молоко, тумане. Умаявшись за ночь со сборами, дед в мягком самодельном седле расслабился и настроился на дремоту.

Марфа ехала на лошади белой масти с густой гривой и длинным необрезанным хвостом, часто хлеставшим ее не больно по плечам.

А Никиту тяжело нес на себе серый в яблоках могучий жеребец, жуя, взнузданный металл узды, оскаленными желтыми зубами.

В Красном Бору на бугре всадники выехали из тумана. Счастливые лица молодых озаарило восходящее солнце.

В ту августовскую пору над Колдыбанью после проливных дождей установилось ведро с теплыми, туманными ночами и с нежарким солнцем днем. Грибов появилось в лесу много всяких и белых, и красных, и зеленых, и в крапинку. И было их на тропе столько, что коням ступить было негде, копытами их давили.

Глазастая Марфа спокойно созерцала на яркие мухоморы и другие поганые грибы, а когда увидела под старыми березами испорченную белянками землю, воскликнула:

–Дединька, глядитеко, синороек сколько, прямо слои, набрать бы надо на вареники.

Дед натянул поводок. Гнедой остановился. Повернув голову в сторону старых берез, старый сказал:

–Я уж не буду спешиваться, а ты, дочка, разомнись набери лукошко молоденьких конечно, пригодятся.

Марфа спрыгнула с седла, отвязала пустое лукошко и побежала по березняку к слоям белянок. Слез с коня и Никита. Он побежал помогать Марфе.

Марфа ломала грибы, складывала их порядком в лукошко и восторгалась:

–Никитушка, вот удача, так удача. Сколько их тут! А вот и дорогие, и все молоденькие, мясистые крепыши. Вот поедем, полакомимся. Я их вам так приготовлю, прямо на костре – пальчики оближете.

Так, с удачи начался у Босых первый день в Колдыбани. Пока добирались они до шалаша, Марфа еще нарвала узел спелых орехов.

Узлы прищельцы сложили у входа шалаша, коней спутали *и* пустили пастись, а сами направились к живому роднику водички свежей попить, передохнуть *и помолиться* перед началом большой стройки.

Наутро не обошлось без происшествий.

Проснулась хозяйка Колдыбани, когда уже солнышко поднялось высоко и заглянуло в проем камышового шалаша, огляделась. Никиты с ней рядом не было. Из сосновой рощи отчетливо доносился стук топоров.

«Мужики уже сосны валят, а я все сплю, лежебока. Встать давно должна. Завтрак готовить».

Марфа шустро вскочила из-под овчинного тулупа. Она решила сначала умыться, привести себя в порядок, шайку с водой нашла у входа в шалаш.

«Умничка, водички полную шайку принес, позаботился».

Умывшись и причесав длинные волосы, Марфа надела новый самотканый сарафан, раскрашенный цветными нитками, обула легкие липовые ступни и повязала на голову косынку в горошек.

Заглянув в маленькое зеркальце, она осталась довольна собой.

«Теперь можно за дело приниматься. Мужики рано встали, небось, проголодались».

С бугра Марфа увидела на озере плавающую, на гладкой зеркальной поверхности стаю серых гусей. Ей захотелось рассмотреть *их* поближе. И она пошла по густой высокой осоке к низкому берегу, остановилась у куста, бросающего тень на озеро. Тут же ее привлекла внимание голова чудища, греющегося на мелководье, на солнышке. По немигающим глазам и спине, заросшей зеленым мхом, она поняла, что из воды смотрит на нее Водяной.

Марфу от берега как ветром сдуло. Полная ужаса она побежала через трясину напрямик к мужикам, и заорала блажью во весь голос.

На душераздирающий крик, побросав топоры, бросились Никита с дедом.

–Что с тобой Марфуша? На тебе лица нет. Тебя змея укусила? – Вскричал Никита, встретив жену. Он поднял ее на руки, – да ты дрожишь вся. Кто тебя так испугал?

Марфа ухватившись за шею Никиты и всхлипывая, ответила:

–На меня из озера водяной глядел, вон там под тенью куста. Страшно мне. Не останусь я здесь.

Дед прошел к указанному месту и увидел у берега замутневшую воду. Он махнул рукой молодым и крикнул:

–Марфа! Щука это была. Я тоже ее испугался прошлым летом на этом самом месте. Большая щука, с пуд весом. От старости спина ее заросла мхом и мне тоже показалась чудищем. В нашем холодном озере нет никакого водяного. На утят и гусят щука охотится здесь на мелководье, прожорливая рыбина. Но на человека напасть ей не дано.

А Марфа не унималась, продолжала голосить и обливаться горячими слезами, ползала как рехнувшаяся на коленях, в ногах у мужа и умоляла его покинуть это нечистое место.

Глядя на напуганную насмерть жену, Никита сказал подошедшему деду:

–Бросаем работу. Строить плот надо. Этой же ночью прошарить все озеро надо с факелом, шуку непременно отыскать и заколоть. Иначе Марфа не уймется. Еще чего умом тронется. Показать ей шуку надо.

–Само собой, – ответил дед внуку.

Весь оставшийся день Марфа не отходила от мужиков. Сидя на бревне, она крестилась, шептала молитву и была вся не своя. А Никита с дедом в срочном порядке строили на берегу озера плот, смолили мочало для факелов.

Вечером, как стемнело, Никита с дедом спустили плот на воду. На носу плота на длинной палке, воткнутой под углом между бревен, горел смоляной факел и под водой просматривалось илистое дно озера и всякая уснувшая живность.

Шуку Никита с дедом искали долго и упорно. И нашли ее у противоположного берега около высокого камыша спящую с раздутым брюхом. Никита сначала принял ее за толстое бревно, но присмотревшись повнимательнее, стал различать по шевелению жабр ее огромную голову. В такую мишень ему трудно было промахнуться. И шуку он заколол острой с первого удара. Проколотая насквозь шука-гигант билась хвостом о бревно плота, раскачивая его. Никита с дедом еле удержались на плоту. Хорошо, что черен остроги выдержал, и не сломался, а то бы упустили добычу. А потом, когда шука обессилила, охотникам не составило труда отбуксировать добычу на мелководе и вытащить на берег.

Только на другой день Марфа при солнышке рассмотрела, напугавшую ее шуку и признала в ней того самого водяного по зеленому мху на спине и по неподвижным огромным глазам. Позже Марфа совсем успокоилась и даже осмелилась купаться по вечерам с Никитой в озере, заплывая далеко от берега.

Побороть в себе страх ей помог Никита. Он много ей рассказывал о тайнах леса, о том, что первыми не нападут на человека ни медведь, ни лось, ни волк, ни змея. И что надо быть ей терпимой ко всему живому вокруг, предупредительной и осторожной. Дед тоже в тех беседах подкакивал внуку. И лес стал для молодой женщины нестрашным, а защитой и кормильцем.

Поселенцам за первую неделю житья в лесу удалось построить просторный и надежный загон для лошадей и времянку для собственного жилья, даже успели сложить печку во времянке. Это было уже кое-что: удобство для стряпухи и спасение от простудных заболеваний в дождливые дни. Потом Босые стали рыть котлован под фундамент задуманного терема. Тяжела была работа, но спорилась. Никита удивлял деда силой и выносливостью. Да и Родион Большой знал свое дело, стучал по-стариковски, как дятел, еще Никите успевал дельные советы давать.

А Марфа научилась и в лесу готовить вкусную еду, разнообразила стол ягодой, грибами, орехами, диким луком. Сама стреляла гусей и уток на жаркое, коптила кабанью солонину. Чистоту Марфа блюла при стряпне, тому научила ее приемная мать Груня, за неряшливость строго наказывала.

–У нас, кулугуров, издревле хозяйки чистоту блюдут, еду готовить у нас – святое дело. Неряшливость и грязь – непростительный грех, – не уставала говорить она.

Дед и Никита были очень довольны вкусными обедами.

Позже в Колдыбань бабка Лукерья привела артель мужиков рослых да мастеровых, готовых работать от темна до темна. Еще она в лес пригнала свою корову. Марфа корове была очень рада и расцеловала ее в широкий влажный нос сказав:

–Теперь мы с коровой-то не пропадем!

С подмогой стройка ускорилась. Вскоре был выложен из камня первый этаж.

Позже Никита на берегу озера пояснил Марфе, что строили:

—На первом этаже у нас будет подвал, для зимовки пчел. Омшаником называется такое неотапливаемое помещение. А рядом с омшаником будет погребница с погребом, а с краю навес с плотницкой мастерской. Вот и получится у нас двухэтажный терем с рублеными наличниками, резными башенками по углам и петухом на коньке. Красиво будет. Видел я в Курляндии такой терем. Очень удобный для жилья. В твоём распоряжении будет три помещения: прихожая с полатами, чулан просторный с печкой и зал с двумя спальнями. В тесноте не будем ютиться. В таком тереме можно большой семьей жить. И это еще не все. В этом тереме печку сложим с трубой на крыше. В избе совсем дыма не будет, как у господ.

Марфе это нравилось.

«Солдат, а все знает, как надо делать, мастеровой и ласковый».

—Марфа тайно молила Бога, чтоб дите дал семью укрепить. А на виду у мужиков, пела песни, плясала с прибаутками и хохотала заразительно, чтоб муж ей гордился.

«Лукавая девка, молодая да ранняя», — усмехался в бороду дед Родион. Да и мужики хвалили хозяйку:

«Лютая бабенка, надо же, во время стройки, между дел, грибов насобирала. И засушила, и посолила. Орехов запасла».

—Зима длинная, она все съест, — оправдывалась она перед мужиками.

Стройку мужики закончили и стали разъезжаться. Дед в зале в переднем углу на киотке поставил зажженную свечку, перекрестился, вынул из-за пазухи икону с ликом Николая Чудотворца и повернулся к молодым.

—Живите, дети, пусть ваш дом стоит тысячу лет, плодите детей, укрепляйте наш род, во имя отца и сына и святого духа, аминь!

Подшли к деду Никита и Марфа, поцеловали икону, и дед поставил ее на киотку. Николай Чудотворец, освещенный светом от восковой свечки, смотрел на первых поселенцев строго.

На другой день Никита с дедом весь день ходили по лесу, считали колоды. Дед учил внука, что с ними делать, когда будут подходить морозы, как подкармливать пчел весной, дед говорил:

—Дело трудное, канительное за пчелами ухаживать. Главное, чистоту блюди.

Вот и дед уехал домой. А Марфе не стало одиноко, она осталась со своим суженым и была счастлива. Она никак не могла привыкнуть, что все здесь настроенное — ее, она здесь хозяйка, ее эти хоромы.

Никита с улыбкой наблюдал за радостью жены и сам был рад, что ей с ним хорошо. Марфа бралась делать все: и щепу таскать в избу и воду. Никита поощрял ее за усердие. Подойдет к ней, примет на руки и поцелует. Отчего у Марфы щеки делались пунцовыми, а на глазах выступали счастливые слезы. В такие минуты Никиту распирало счастье и ему хотелось кричать на весь лес. Можно было кричать, некого было стесняться, намного верст не было ни одной души. И он кричал, дурачился:

—Марфу люблю!

Лесное эхо вторило его озорство. С далеких холмов доносилось: «Люблю, люблю, люблю...».

Марфа слушала приятное эхо и улыбалась от счастья.

Под Покров день ночью в Сосновке шел снег.

Дед Родион лежал на теплой печке. Ему не спалось, ноги ломило, наверное, к непогоде, мысли разные лезли в голову. Дед вздыхал, с Богом разговаривал:

«Господи, как они там, в Колдыбани живут? Это я о своих молодых говорю, о Никите с Марфой. Занесла их туда нелегкая. Человек должен с людьми жить, а не на отшибе. Теперь мне надо вести им муку, соль. Сам-то Никита не едет! Солдат он, гордый. Чем только питаются, не знай. Проведать надо, жалко мне их, спасу нет. Один у меня в роду Никита-то остался. Не

будет у него детей и род сгинет. А род-то, какой? Мужики были в нем рослые, сильные, умели в руках и соху держать и с оружием сражаться.

Владычица, дева Мария, сохрани и помилуй внука моего, намыкался он горемычный в ратной жизни досыта, натерпелся страху по самую макушку, дай ему чада, чтобы род Босых продолжился. Николай Угодник, и у меня вот бессонница истощает силы, заснуть надать перед дальней дорогой, а сна нет.

Господи, Иисусе Христе доведи проведать детей моих, раньше еще надо было ехать. Да дела по хозяйству задержали»...

Только под самое утро задремал дед Родион. Да много ли сна надо старому, забыться, да всхрапнуть чуть-чуть.

–Ку-ка-ре-ку! – Закричал на рассвете за стеной. Во дворе петух Петька.

Дед глаза открыл и понял, что уже утро.

–Вот оглашенный! – Обругал незлобиво Родион своего любимца и стал слезать с печки. За окном было светло и от снега кругом бело.

«Нынче кругом снег, скоро на аршин навалит, не пройти. Ехать надо и так запоздал».

Одевшись потеплее, дед вышел во двор, вывел из теплой конюшни полусонного гнедого мерина, седло на него забросил, ремни затянул, стал к седлу узлы приторачивать с солью, с горохом, с мукой, с подарками. Жалел дед, что у него сейчас одна лошадь. Много ли на одного мерина под седлом нагрузишь.

А хотелось ему увезти в этот раз к Никите в терем на хранение комплект старинного боевого снаряжения и оружия, каким пользовались в боевых походах его предки, да и он сам в молодости.

У Родиона такого добра на стенах сарая повешано столько, что целую дружину снарядить в поход хватит.

«Умру вот я, невзначай, и все эти кованые кольчуги, вылитые из бронзы шеломы, тугие луки, стрелы растащат деревенские мальчишки для потехи, а то разбросают где попало людям на смех. Увезти все надо в Колдыбань, память о предках-воинах для потомков сохранить. Пока жив, возить буду!»

Дед выбрал кольчугу поновее, и набросил ее поверх узлов притороченных к седлу, боевым широким ремнем поверх шубника подпоясался. На ремне в ножнах висел меч с длинной рукояткой. В руки взял копье с острым бронзовым наконечником.

«Только бы в седло залезть».

Дед подвел гнедого к заднему крыльцу, встал на верхнюю ступеньку и с нее легко сполз в седло.

Из избы вышла раздетая бабка Лукерья. Она глянула на своего деда, сидящего в седле с мечом на поясе и обомлела.

–Аба, Родя, ты на кого воевать собрался? Неприподъемный меч: на себя нацепил? Сдурел, что ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.